

[Polaris]

Николай Шебуев

БЕРТА БЕРС

В сетях шпионажа

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

CXI

Salamandra P.V.V.

**Николай
ШЕБУЕВ**

**БЕРТА
БЕРС**

В сетях шпионажа

Salamandra P.V.V.

Шебуев Н. Г.

Берта Берс: В сетях шпионажа. – Б.м.: Salamandra P.V.V., 2015. – 122 с. – (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып. CXI).

Хладнокровный джентльмен-игрок, красавица-циркачка, чьим роскошным телом упиваются сильные мира сего, сатанинский врач-гипнотизер... Их беспомощные жертвы барахтаются в сетях германского шпионажа, опутавших весь Петербург...

В новом двухтомнике из серии «Polaris» к читателю возвращаются «чрезвычайно уголовные романы» забытого писателя, поэта и журналиста Н. Г. Шебуева (1874-1937) – одновременно и ехидные пародии, и вполне захватывающее и увлекательное «бульварное чтиво». Во второй том издания вошел впервые переиздающийся шпионский роман «Берта Берс».

**НИКОЛАЙ
ШЕБУЕВЪ**
СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

БЕРТА БЕРСЪ

БЕРТА БЕРС

Роман

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

РОМАН БОННОЧКИ

БЕНЕФИС БЕРТЫ БЕРС

В цирке сегодня бенефис Берты Берс — «любимицы публики», как ее величают афиши.

Настоящим-то любимцем публики является Роберт Робс, этот действительно изумительный фокусник и престижист, а Берта Берс — только его помощница.

Но какая помощница!

Когда она появляется перед публикой, выходя из шкафа, который только что, — это все видели, — был заперт совершенно пустым, зал грохочет от восторга.

Так ослепительно прекрасна она в своем залитом драгоценными камнями бальном платье.

Сплетничают, что она раньше была гувернанткой в каком-то благочестивом петроградском семействе, но была прогнана, так как вела себя не совсем благочестиво.

Говорят, будто она сама предложила свои услуги Роберту Робсу, когда тот приехал сюда из Америки на гастроли.

Со второй же гастроли на афишах красовалось вместо Эстреллы, бывшей помощницы Роберта Робса, имя Берты Берс, и публика каждое появление красавицы встречала овацией.

Роберт Робс ликовал. Тем более, что Берта не торговалась из-за гонорара.

— Мне надо эффектно показаться Петрограду... Этого я достигла... Теперь у меня не будет отбоя от поклонников...

И в самом деле, самые высокопоставленные низкопоклонники дарили ей свои осыпанные бриллиантами сердца.

В ее списке побед значились и графы, и князья, и военные, и штатские, и дипломаты, и шулера...

Единственно, что печалило Роберта, — это нежелание Берты ехать с ним в турне по России.

— Из Петрограда ни за что никуда, — отчеканила она.

Цирк полон. Ждут гвоздя представления, — последнего номера отделения фокусов Роберта Робса.

Все глаза напряженно впились в глянцевого, со всех сторон тоненький и хрупкий на вид китайский шкафчик, как раз в рост человека.

Из этого шкафчика таинственно исчезнет сегодня бенефициантка.

И мало того, что исчезнет, она окажется в ящике, который висит на самом верху, в самом центре куполообразного потолка цирка.

Конечно, ничего сверхъестественного в этом номере нет, но чистота работы каждый раз приводит зал в изумление.

Нынче Берта еще усложнила трюк тем, что успевает не только незаметно перелететь из шкафа на арене в сундук под потолком, но и незаметно переодеться.

Вот она под аплодисменты зала входит в шкаф в оранжевом бальном платье с треном.

А из сундука выйдет в ослепительно-красном.

Под несмолкаемую бурю аплодисментов заперта Берта в шкафу.

Ключ передали одному из представителей публики.

Волонтерами из публики шкафчик весь обмотан веревками.

Наложены сургучные печати в десяти местах.

Все удивительно чисто и красиво.

— Неужели она, в самом деле, очутится там!.. Под крышей!.. Ведь это волшебство!..

— Я думаю, что нет...

— Вы знаете, факиры с помощью массового внушения достигают еще более изумительных результатов...

На шкаф Роберт Робс накинул поверх веревок и печатей черное покрывало.

— Прошу публику удалиться с арены!..

Нехотя очистили от посторонних арену.

— Раз! Два! Три! All right*.

Робс хлопнул в ладоши.

* Ладно, готово! — английское восклицание (*Прим. авт.*).

— Прошу публику на арену...
— Прошу убедиться, что печати целы!..
— Прошу убедиться, что веревки целы!..
— Прошу отпереть шкаф... Мисс Берта Берс исчезла...
Но ненадолго... Раз!.. Два!.. Три!.. All right!..

Все глаза устремились к потолку, где на канате, перекинутом через блок, висел, чуть покачиваясь, ящик.

Одетые в ливреи шталмейстеры бережно, словно священнодействуя, стали спускать ящик. В зале не было ни одного глаза, который не следил бы жадно и ревниво за плавным спуском этого сокровища.

Даже клоуны застыли в вопросительно-выжидательной позе.

В коридорах входа за кулисы приготовились к выходу по первому знаку режиссера несколько пар лакеев с цветочными и драгоценными подношениями бенефициантке от публики и дирекции.

Все ниже, все ниже ящик.

Вот уж он коснулся земли.

Роберт Робс топориком разрубает канат.

Торжественно раскрывает крышку и... отскакивает, как ужаленный.

Ящик оказался пустым!

II

ФОКУС РОБЕРТА РОБСА

На мгновение цирк замер.

И вдруг — закипел.

— Что такое? В чем дело?..

— Где Берта?..

— Нас обманули!

— Шарлатанство!..

— Чего полиция смотрит!..

Роберт Робс, не веря своим глазам, еще раз подскакивает к ящику и, бледный, испуганный, бросается с арены.

По пути наталкивается на корзину цветов, падает в нее, опрокидывает еще какие-то подношения, бежит к себе в уборную, бежит в уборную Берс...

— Где Берта!.. Где Берта!.. М-lle Берта!..

Директор цирка, тоже предчувствуя какое-то страшное несчастье, бежит за ним.

В уборной лежит огненно-красное платье Берты, значит, она даже переодеться не успела.

Робс бросается к тайному выходу из цирка на дворик, из этой двери Берта должна была выбежать, по наружной пожарной лестнице взобраться под купол цирка и лечь в ящик.

В то время, когда внимание всей публики занято завязыванием и опечатыванием шкафа, пустой ящик под потолком незаметно должен был заменяться другим, точно таким же снаружи.

Робс бросился было на дворик, чтобы посмотреть, не сорвалась ли Берта с лестницы и не лежит ли на мостовой с раскроенным черепом.

Но жандарм преградил ему дорогу:

— Вы арестованы! Следуйте за мной!

Измученный Робс пожал плечами, испуганно поглядел на жандарма и машинально пошел за ним.

Директор не отставал от них.

В кабинете директора дрожащий фокусник повторял:

— Я не виноват! Какое-нибудь несчастье!.. Честный фокусник не хотел скандала!

На допросе выяснилось, что Роберт Робс — виленский мещанин.

С германской подданной Бертой Берс познакомился только два месяца тому назад.

Имеет ли она родных или знакомых в Германии, — не знает.

Состоит ли здесь в сообщничестве с другими германскими подданными, — не знает.

Знакома ли с германским подданным Августом Мейером, — не знает.

В чем обвиняется арестованный вчера Юлиус Швальбе, — не знает.

Не подозревал даже о том, что в цирке находятся жандармские власти с предписанием арестовать Берту Берс.

Кто сообщил Берте Берс, что ее ожидает немедленно после окончания номера арест, — не знает.

Куда скрылась она, — не может догадаться... А в публике уже на тысячу ладов повторяют:

— Берта Берс оказалась немецкой шпионкой. Пришли ее арестовать, но она таинственно исчезла, избежав ареста.

III

ЖЕНА ИГРОКА

Марья Николаевна радостно прислушивалась к мерному дыханию детей.

— Слава Богу... Значит, мне показалось, что у Лилички жарок... Если метроном дыхания работает правильно, значит, все в порядке.

Еще раз бросила взгляд на потешно вздернутый носик хорошенькой пятилетней девочки, поправила сползшее одеяльце на кровати восьмилетнего сына и, вся еще пропитанная святостью детской, вошла к себе в будуар.

Она давно привыкла к одиночеству долгих осенних и зимних ночей.

Что поделаешь, муж работает. Странно называть его работу работой, но она дает хороший заработок, позволяющий жить чуть ли не в роскоши. Муж — игрок.

Целые ночи Фридрих Францевич проводит в клубе и пытается счастье.

Не свое счастье, а счастье других. Вот уже четыре года, как счастье Фридриха Францевича испытано, вот уже четыре года, как он, по его собственному выражению, «сделал свое счастье» и едет на нем, как на хорошо обьезженном коне.

О, нужно только уметь править твердой рукой, не выпуская ни на миг уздечки.

У Фридриха — твердые руки, Марья Николаевна убедилась в этом.

Кругом разоряются, от быстрых взлетов к сотысячным выигрышам падают до самоубийственных проигрышей.

Счастье играет жизнью и смертью окружающих.

А Фридрих сам играет своим счастьем.

Ему не надо крупных выигрышей, две-три сотни в вечер вполне устраивают его.

Но зато эти две-три сотни он имеет каждый вечер, без них (клуб открыт до шести утра) не возвращается домой на рассвете, когда уже рабочие на улицах спешат по фабрикам и заводам.

У Фридриха железная воля.

Пусть завистники объясняют постоянный выигрыш его чуть ли даже не нечистой игрой.

Марья-то Николаевна знает, как щепетильно корректен ее муж во всем, даже в микроскопических мелочах.

У него от нее нет никаких тайн. Он мог бы скрывать от нее свою бухгалтерию, но Фридрих, напротив, посвящает ее в каждый крупный выигрыш.

На прошлой неделе, например, он в пятницу выиграл 27 тысяч (довольствуясь малыми выигрышами, он не отказывается и от больших), и они ходили к ювелиру, вот эти две бриллиантовых серьги стоят двенадцать тысяч.

Фридрих балует жену и детей, потому что любит и гордится ими.

Марья Николаевна сладко улынулась и позевнула.

— Конечно, скучно ждать и быть одной... Но ко всему привыкаешь. Кроме измены. Вот если бы муж изменил, — этого бы я не перенесла.

А то ведь она знает, где он проводит все ночи. Стоит только позвонить в клуб, и его вызовут.

— Почему в клуб не пускают дам!.. И я бы могла иногда там поужинать... Впрочем, и это к лучшему... Если бы пускали дам, сердце мое не было бы так спокойно, как теперь...

Марья Николаевна взяла газету, за день не успела даже телеграммы пробежать.

Вдруг резкий звонок.

— Телеграмма?... — мелькнуло в голове. — Кто же может так поздно...

Марья Николаевна суеверным страхом боялась ночных телеграмм, и сердце сжалось недобрым предчувствием.

— Барыня, — таинственно доложил лакей Карл, — вас просят в переднюю по важному делу.

IV

КОШМАРНЫЙ ВИЗИТ

Запахивая ночной полукапотик, подкалывая наскоро распущенные было для ночной прически волосы, торопливо пошла в зал.

— Проси!

Вошла дама под вуалью.

— Мы одни? — по-немецки спросила незнакомка.

— Что вам угодно и с кем я имею честь разговаривать? — по-русски отчеканила Марья Николаевна.

— Ну нечего, фрау Гроссмихель, терять время на разговоры. Если хотите спасти мужа, немедленно отоприте негосгораемый шкаф, достаньте красный сафьяновый портфельчик в правом углу третьей потайной стенки и передайте мне...

В тоне незнакомки звучали неотразимо властные нотки.

Ее выговор немецких слов показался Марье Николаевне ужасно знакомым.

— Неужели?! — Нет, не может этого быть... Неужели это она?..

— Фрау Гроссмихель, не теряйте ни секунды!..

— Ну, да это она!

Марья Николаевна резким движением сорвала с незнакомки вуаль.

— Берта!..

— Я...

— Как вы смели!..

— Сейчас не время сводить личные счеты... Если Фридрих вам так же дорог, как мне, вы должны...

— Вы забываетесь, Берта!.. Вы забываете, с кем вы имеете дело...

— Я — такая же жена Фридриха, как вы...

— Мерзавка! Вон!.. Или мои люди вышвырнут тебя... Карл!..

— Карл не придет сюда! Он знает, как серьезно дело... Вот ключ от железного шкафа...

— Вон!.. Я сама вытолкаю тебя...

Марья Николаевна еще никогда не была такой истерично грубой.

— Если вы немедленно не раскроете шкафа, я сама сделаю это!

— Только посмей, я вцеплюсь в тебя зубами!.. Карл! Карл!..

— Я сама крикну Карла, чтобы он связал вам руки и заткнул рот!..

— Заговор!.. Грабители!..

— Несчастливая, понимаешь ли ты, что твой муж арестован и, если у него в квартире найдут этот красный портфель, будет повешен...

— Как повешен? — задрожала Марья Николаевна.

— Как... шпион... — отчеканила девушка, сбрасывая шубку и оставшись в ослепительном оранжевом бальном туалете, сверкающем от драгоценных украшений.

— Фрейлейн Берта! — словно не веря глазам, повторила не своим голосом Марья Николаевна.

— Фрау Гроссмихель... Да, Марья Николаевна, сегодня для вас ночь больших открытий: да, это я, бывшая гувернантка ваших детей, подруга жизни вашего мужа... Мужайтесь, нам предстоит спасти Фридриха от петли...

Девушка сделала решительный шаг к кабинету.

Марья Николаевна как загипнотизированная пошла за ней.

Берта подошла к шкафу и привычным движением, зная твердо тайну секретных замков этой сложной немецкой несгораемой кассы, открыла дверцы, выдвинула потайные стенки...

— Не смейте! — хотела крикнуть Марья Николаевна, но голос не слушался.

— Карл! — властно крикнула Берта.

Карл, который не появлялся на отчаянные зовы барыни, на зов Берты словно из-под земли выскочил.

— Возьми этот портфель. Черным ходом так, чтобы тебя никто не видел, выйдешь и пешком, — слышишь ли, не на извозчике — извозчик здесь переодетый сыщик, — не торопясь, отнеси портфель на квартиру Берга... Я поеду в моем автомобиле... Он ждет у подъезда... А в нем... в нем, вероятно, уже ждут меня жандармы... Меня арестуют, обыщут... Но портфеля не найдут...

V

ТАЙНА НЕМЕЦКОГО КЛУБА

Оставшись одна, Марья Николаевна беспомощно упала в кресло и мучительно зарыдала.

Она еще не отдавала себе отчета в случившемся, лишь мало-помалу в сознание стали проникать одна за другой

страшные мысли.

Почему Карл, всегда такой раболепно-почтительный, вдруг сегодня так нагло, вызывающе держался, лишь только появилась эта девица?

Откуда вдруг вынырнула эта с позором изгнанная из этого дома немка?

Разве не сам Фридрих настаивал, чтобы ее убрали?

Почему она так властно держится и так богато одета?

Как смеет она лгать на Фридриха, будто он в связи с ней?..

Фридриху некогда заниматься такими глупостями: днем он всегда дома, а ночью — в клубе.

Страсть к картам — единственная страсть, которая доступна Фридриху.

А что за наглость подозревать Фридриха в шпионстве!..

Уж более русского человека встретить трудно!

Он даже обещал подать прошение о переходе в русское подданство, да война помешала, не принимают теперь таких прошений... Но что это за сафьяновый портфель? Страх сжал сердце, и она бросилась к телефону.

— Барышня... пожалуйста... немецкий клуб... Мерси!.. Швейцар?.. Вызовите господина Гроссмихеля... Не приходил?.. Сегодня не был?.. Как не был?... Разве он не каждую ночь в клубе?.. Что вы говорите глупости... Я его жена, и мне он необходим...

Ноги подкосились...

Она услышала страшную истину: Фридрих и вчера и третьего дня не был в клубе.

А ей он соврал, что выиграл вчера три тысячи у Иловайского...

— А господин Иловайский здесь?

Ей ничего не ответили, должно быть, разъединили.

VI

ЕЩЕ ВИЗИТ

Резкий звонок заставил ее вздрогнуть.

Звонили сразу и с парадного хода, и с черной лестницы.

Отпереть некому.

Карла нет, а Мариша спит как убитая.

В кухне — топот шагов и мужские, незнакомые голоса.

Повар отпер. Вошли дворники и какие-то неизвестные.

Один из дворников через коридор прошел в переднюю и отпер парадную дверь.

— Полиция!.. Значит, Берта права. В самом деле, обыск!..

С Марьей Николаевной сделался обморок. Обморок и истерика не остановили обыска, который утонченно вежливым, даже нежным жандармским офицером был произведен самым тщательным образом.

— Сударыня, не откажите в любезности открыть этот стальной шкаф.

Марья Николаевна, как во сне, исполнила просьбу, открыла все, выдвинула все самые сокровенные ящики.

— Как и следовало ожидать, — с очаровательной улыбкой сказал жандарм, — обыск не дал никакого результата... Я попросил бы вас только сказать мне, чей это почерк?

Офицер вынул из портфеля конверт с выведенным по-детски крупно адресом.

У Марьи Николаевны отлегло от сердца.

— Это письмо моего восьмилетнего сына Воли. Муж должен был вчера отправить его в Берлин к бабушке...

— Скажите, не под диктовку ли отца писал мальчик...

— Да... это диктант... Бабушка интересуется успехами мальчика в немецком языке, и муж часто посылает ей образчики его диктовки.

— А где муж?

— Сударыня, я надеюсь, что он завтра же будет отпущен...

— Он арестован!..

— Ну, разве это так уже страшно...

— Но за что же!.. За что!.. Ведь я — его жена, урожденная Мордванова, старинная русская фамилия... Мои деды проливали кровь и мой брат на войне... Разве я вышла бы замуж, если бы не знала, как любит Россию Фридрих!.. Разве его жизнь не вся у меня на глазах... Разве я не могу дать голову на отсечение, что никакой политикой он не интересуется... Он знает только карты, — это его страсть, его жизнь...

Горячо прокричала и оборвалась.

VII

БАБУШКА ИЗ БЕРЛИНА

Когда, наконец, непрошенные странные визитеры ушли, Марья Николаевна упала на постель и истерично зарыдала.

— Как! К этому делу припутывают не только мужа, но даже и Волю, моего чистого милого мальчика, за воспитанием и образованием которого Фридрих так ревниво следит... Почему диктант Воли ей не отдали и сказали, что он «приобщен к делу»...

Два-три раза в неделю муж сам занимается диктантом с мальчиком и продиктованное отсылает к бабушке...

Бабушка не нарадуется на успехи внука и всегда благодарит в письмах из Берлина и часто посылает ему игрушки и конфеты.

Муж уверяет, что она миллионерша и после смерти намерена внуку оставить свое состояние...

Марья Николаевна прекрасно знает, каков характер этих диктантов.

«Верочка захворала и целую неделю проведет в постели».

«Сегодня коровка промычала три раза».

«У куклы моей старшей сестры новый бантик»...

Вдруг адское подозрение ослепило мозг:

— А что как слова «Верочка», «постель», «коровка», «кукла», «бантик» имеют условное значение! А что если под видом бабушки эти условные сообщения посылаются в... другое место!

Марья Николаевна в газетах читала что-то в этом роде...

Кровь прилила, и Марья Николаевна крикнула во весь голос:

— Не может этого быть! Что за чушь, чушь, чушь!..

И даже ногами сама на себя затопала. Но не смогла заглушить чудовищного подозрения:

— Фридрих диктовал Воле донесения шпионского характера... Измена родине совершалась невинною рукою ее ангела, ее мальчика, ее гордости и радости...

Муж, Берта, Карл, сын, все служили одному делу, и только Марья Николаевна одна не подозревала, в какой трясине жила она.

— Так значит, не из клуба получает муж деньги? Значит, не в клубе проводит все свои ночи? Значит, на деньги, за которые муж продает мое отечество, существую и я, и дети, и все это благополучие, будь оно проклято!.. Какой позор!

И опять закричала и истерично затопала.

— Нет, нет! этого не может быть!..

— Изволили звать?

Марья Николаевна вздрогнула.

Перед ней стоял Карл, как всегда, почтительно ожидая приказаний.

VIII

МАТЬ ДЕТЕЙ ШПИОНА

Без сна, ломая руки, провела Марья Николаевна остаток ночи. Даже не раздевалась.

— Что делать? Донести на мужа!.. Все равно у меня сейчас мужа нет.

Муж отнят Бертой и тюрьмой, преступлением и прелюбодеянием... Но какой позор во всеобщее сведение заявить, что дочь профессора Мордванова, — мать детей шпиона и прелюбодея!..

К стыду своему, она чувствовала, что оскорблена, как жена и женщина, больше, чем как патриотка.

— Какой ужас!.. Он изменял мне и отечеству... Мне и отечеству...

И тут же ее мысли пререзывал вопрос:

— Чьему отечеству? Моему отечеству!.. Ведь для него Россия — не отечество... Он негодяй по отношению ко мне и детям.

Какой бесконечно одинокой казалась себе несчастная женщина.

Родители и большинство знакомых отвернулись от нее, узнав, что муж ее — игрок.

За глаза его иначе не звали, как:

— Шулер!

И предсказывали, что рано или поздно он очутится на скамье подсудимых.

Марью Николаевну муж сумел убедить, что карты и биржа — это высший вид спорта, что он спортсмен высшей марки.

— Действительно! — думала она. — Ведь это джентльменство на мелок, на слово проигрывать, выигрывать це-

лые состояния, и при этом не выказать даже тени волнения.

Какая это красота, какая свобода! Над головой игрока нет никакого начальства, никакого закона, — только великий всемогущий Рок!

Все отвернулись от Марьи Николаевны. И она от всех. Всецело отдалась уюту семьи, культу детей и мужа, — мужа она положительно боготворила, — видела в нем какую-то особую, сверхъестественную силу, помогавшую ему обуздать случай, оседлать счастье и успех.

В жизни игрока и в жизни авиатора много красоты, героизма и обреченности.

Ах, как заликуют все, когда узнают, что Гроссмихель попал-таки в тюрьму, а, может быть и, на виселицу!..

— На виселицу!.. — Марья Николаевна крикнула и, как ужаленная, вскочила.

Опять перед нею вырос Карл:

— Изволили звать?..

— Нет, не изволила! — раздраженно ответила Марья Львовна. — Вон! Что вы за мной шпионите!.. И чтобы завтра же духа вашего здесь не было!..

Карл почтительно поклонился и молча вышел.

Марья Николаевна не помнит, как рассвело, как детишки проснулись...

— Господи, неужели сегодня в газеты попадет арест мужа!..

Стала с нетерпением ждать звонка почтальона.

IX

ПИСЬМО И ТЕЛЕФОН

Сама бросилась отпирать дверь на звонок, выхватила газеты и почту.

— Вот это письмо не нам!..

— Нет, вам... Адрес ваш...

— У нас никакого Соколова, Ивана Евгеньевича нет...

Между нею и почтальоном вырос из-под земли Карл:

— Это письмо нам!.. Барыня забыли... Это репетитору...

— Какому репетитору!!.. — изумилась Марья Львовна.

Но Карл грубо выхватил письмо из рук почтальона и уже захлопнул перед его носом дверь.

— Негодяй! Как ты смеешь грубить!.. Вон!

Марья Николаевна схватила телефонную трубку.

— Барышня... Полицию!..

Но выронила трубку и упала беспомощно на стул.

— Нет, не могу... Не могу... Это выдаст мужа... А я все еще его люблю... И буду... о, чувствую, знаю, вижу, что буду любить его до могилы!..

Газеты упали на пол. Машинально подняла и стала искать заметок о муже.

Взгляд упал на сенсационные заглавия «Шпионка в цирке», «Кто такая Берта Берс?», «Во власти шпионажа», «Цирковой номер»...

Берту ищут по всему городу; — до двух часов ночи в редакцию не поступило сообщения об ее аресте.

— Значит, подлая шпионка на свободе! На пути за границу!.. Только мужу придется ответить и за себя, и за нее... О, с каким восторгом я бы схватила ее за горло и задушила собственными руками!..

Зазвонил телефон.

— Кто говорит?.. Какая наглость!.. Берта!.. И каким голосом! Голосом начальника... Она приказывает немедленно сжечь письмо, которое сегодня придет по почте на имя Ивана Евгеньевича Соколова!..

Это письмо уже в руках Карла.

А где Карл?

В передней звонок.

Отчего он не отпирает?

Вся эта ночь была сплошным кошмаром неожиданно-стей.

Что еще за неожиданность подарит этот утренний звонок!

ЛЮДМИЛА ЗЕНГЕР

Вошла эмансипированного вида девица, лет двадцати. Лицо некрасивое, но эффектное, останавливающее.

Вызывающе взбодренная шляпа, вызывающего покроя каракулевый полусак, стянутый вызывающего цвета шелковым поясом поверх меха.

— Передайте барыне карточку! Скажите, что из редакции... Литератор... Писательница...

Марья Николаевна прочла.

«Людмила Карловна Зенгер. Сотрудник петроградских изданий. Командор второго отряда амазонок. Член-соревновательница летучего отряда дам-посетительниц петроградских лазаретов».

Было и еще несколько титулов, которые Марья Николаевна не успела прочитать.

— Передайте это барыне! — настойчиво повторила экстравагантная незнакомка.

— Ах, простите... Вы г-жа Гроссмихель?..

— Я отперла вам сама, потому что лакей куда-то делся... Карл! Карл! Помоги барышне раздеться...

Но Карл не появлялся.

— Разрешите войти так, я на одну минуточку...

— Чем могу служить...

— Видите ли, мне для одного иллюстрированного журнала необходима... страничка тетради для диктанта вашего сына и интервью с ним... Вы понимаете... сейчас это — сенсация...

— Ах, ради Бога! Ради Бога, оставьте это! Я не хотела бы, чтобы вокруг нашей фамилии был какой-нибудь шум... Я так взволнована и испугана тем, что про мужа пишут, что готова плакать... Я уверена, что это недоразумение, что мужа немедленно освободят...

Людмила заговорила: очень жаль, что Марья Николаевна так смотрит на гласность. Печать вся в руках Людмилы. Со всеми виднейшими журналистами Петрограда и Москвы она, по ее словам, на «ты»: Дорошевич звонит по пяти раз на дню, Колышко, прежде чем написать фельетон, рассказывает ей его содержание, Руманов надоел, преследуя ее по пятам (у нее он может узнать любую новость в самый момент получения ее в редакции), Меньшиков следующее «письмо к ближним» посвящает ей, как командору амазонок, Азов ревнует ее к Арабажину, а Оль д'Ор даже ревновать не смеет... Михаил Суворин предлагает ей дебют в Малом театре в пьесе, которую специально для нее напишет Борис Суворин, но она попросит Арцыбашева вдвоем с Леонидом Андреевым сочинить что-нибудь особенное. Лёня Андреев и Саша Куприн — ее мальчишки... Брокгауз чуть не убил Эфрона, желая перехватить право издания полного собрания ее сочинений, но разве Сытин выпустит из рук такой лакомый кусочек!...*

На днях сразу третьим изданием выходят ее стихотворения в прозе «Трепетная лань»...

Людмила говорит всегда крикливо, торопливо, как бы в состоянии запальчивости и раздражения.

Звонок телефона прервал ее речь.

XI

КТО В ЗАСАДЕ?

Марья Николаевна начала слушать и даже вспыхнула от негодования, — опять Берта.

* Перечислены имена знаменитых фельетонистов, публицистов, драматургов, актеров, писателей, издателей начала XX в. (Прим. изд.).

— Оставьте вы меня в покое?!.. Я немедленно донесу на вас полиции...

Берта опять спрашивает, получено ли письмо на имя Соколова. Если оно еще не сожжено, она сегодня в полночь придет за ним.

Марья Николаевна не выдержала. Разразилась истерикой. Надо было выплакаться у кого-нибудь на плече, надо было высказаться кому-нибудь и попросить совета.

Провидение прислало ей эту знаменитую писательницу. И ей измученная женщина открыла душу.

Решено было устроить Берте засаду, а Фридриха Францевича спасти во что бы то ни стало. О, Людмиле приходилось интервьюировать таких важных сановников, что для них освободить его не стоит ничего. Все сановники от нее без ума, а секретари их — пешки в ее руках.

В детской раздался отчаянный плач. Извинившись за то, что на пять минут оставит милую гостью одну, Марья Николаевна поспешила к детям.

Оставшись одна, Людмила хотела было позвонить куда-то, но телефон, словно предупредив ее желание, затрещал.

Людмила взяла трубку.

— Какая счастливая случайность. Это ты, Берта!.. Говорит Людмила... Жена в моих руках. Письмо Соколову взял Карл. Он будет у тебя через десять минут.

ХП

ТЕЛЕФОН И РЕВОЛЬВЕР

— Барышня... 417-17... Да.. Мегсі... Лия Львовна?.. Вы, кажется, недовольны... Ах, вам безразлично... С каких же это пор я стал вам безразличен? Вы сегодня вечером дома?.. То есть как же это не знаете?.. Я могу к вам зайти в 6 часов?.. Мне надо с вами серьезно поговорить... Ну, а в семь?..

Уж это вы мне позвольте знать, нужно или не нужно... По телефону неудобно... Ну, а в семь с половиной?.. Вы успеете в театр... За вами пойдет Извольский?.. Ну, а после театра?.. Глупости?.. Почему же неделю тому назад эти глупости были вам понятны и дозволены, а теперь...

Студент взволнованно теребил волосы.

— Это не глупая сцена ревности, а... Вы смеетесь... Вы помните, что я вам сказал вчера... Вы мне опять отвечаете: «Не запугаете»... Чем же я могу вас запугать?.. Разве смерть такого ничтожества может кого-нибудь запугать?.. Вы смеетесь... Ну, а что вы скажете, если узнаете, что я левой рукой держу телефонную трубку, а правой достаю из кармана револьвер... Нет, не пугач, а Смит и Вессон.

Студент вынул из кармана заряженный револьвер.

— Вы и тут смеетесь... Вы не верите, что он заряжен... Вы уверены, что скорее выстрелит телефонная трубка, чем этот револьвер... Ну, так слушайте: вот я взвожу курок... Но прежде, чем покинуть этот мир, я хочу от вас услышать что-нибудь иное, а не этот холодный смех.. Лия Львовна, скажите мне на дорогу что-нибудь теплое... Фуфайка!.. Какая вы злая... Почему фуфайка? Я иду не в окопы, а в могилу... Опять смех... Ну, хорошо, я умру под смех... Слушайте...

Он приложил дуло к виску, как вдруг какая-то сила вырвала револьвер из рук.

Револьвер ударился о телефонную трубку, произвел выстрел в воздух и вместе с трубкой грохнулся на пол.

ХШ

КТО ЖЕ ТЕПЕРЬ СТРЕЛЯЕТСЯ?

— Вот дурак! Вот идиот! Кто же теперь стреляется?..

— Это ты, Кукарников?.. Как ты попал?!.. Как ты посмел мне помешать!..

— Вот дурак! Вот идиот!.. Из-за какой-то глупой бабы он хотел подставить свою башку под пулю!.. Да разве ты это смеешь теперь!.. Разве твоя жизнь принадлежит тебе или этой вздорной бабе!.. Почему ты сегодня не был в университете?..

— Ах, Кукарников, до того ли мне...

— «Любит, не любит, поцелует, плюнет»... Тьфу! Сопляк! Начитался романов... А если бы ты видел, что сегодня творилось в университете!.. Там сопляков не было!.. Какой подъем! Без различия партий, направлений, все готовы на войну!.. Поют гимн! Кричат «ура»!.. Кто в санитары, кто в добровольцы... И в такое время ты смеешь разводить романтические нюни!.. Тьфу!.. Да если тебе так уж не дорога твоя жизнь, вспомни, что сейчас каждая жизнь дорога родине!.. Мало ли на войне таких подвигов требуется, чтобы идти на верную смерть!.. Вот и ты иди! Герой выискался — из-за бабы, которая предпочла пшюта Извольского дураку Завьялову, стреляться вздумал!.. Да мне стыдно даже, что я спас такого сопляка!.. Жизнь надоела! Да ты нюхал ли настоящую жизнь?..

— Ах, Митя... Разве ты знаешь жизнь... Разве ты понимаешь, что такое любовь... Ты никогда не любил и не тебе меня ругать...

— Я не любил! Да я, быть может, и сейчас люблю!.. Только пока родина в опасности, личную жизнь — побоку. Пока мы не накладем по загривку немцам, не до любви нам...

— Ну, значит, ты не по-настоящему любишь... Настоящая любовь не слушает доводов разума...

— Пропись! А я считаю ненастоящей любовью ту, от которой так легко отделаться: чик — и готово... Нет, от настоящей любви револьвером не отделаться... Дуракам счастье... Счастье тебе, дураку, что я случайно выбил из рук револьвер!..

— Как ты сюда попал? Во всей квартире нет ни души! Я даже прислугу отпустил, чтобы не мешала...

— Твоя сестра забыла на рояли ноты, а мы у Скворцовых репетируем концерт, с которым хотим объезжать лазареты... Зная, что прислуги нет, и думая, что тебя, дура-

ка, нет, она дала мне свой французский ключ... Я вошел и слышу, как ты распинаешься по телефону перед этой шлюхой. Вот и все...

— Ты подслушивал?..

— Вот дурак!.. Я считаю все это сопливством и ничуть не интересуюсь им... Но, во-первых, ты кричал громко, во-вторых, у тебя в руке был револьвер... Ударь я тебя по руке на две секунды позже, мне не пришлось бы с тобой сейчас пререкаться... А завтра, прочитав газеты, каждый сказал бы: «Вот дурак, нашел время стреляться!» И первой сказала бы это сама Лия...

Резкий звонок прервал Кукарникова.

— Кого еще принесло...

— Митя, открой ты... У меня туалет не в порядке...

— И рожка также не в порядке... На кого ты похож!..

— Никого не впускай...

Звонок настойчиво повторился.

XIV

ТЕ ЖЕ И ЛИЯ

— Лия Львовна! Какими судьбами!.. Пришли полюбоваться на труп безгласный...

— Где Борис?! Что с Борисом?! — кричала высокая стройная блондинка. Ее всегда насмешливые глаза сейчас выражали отчаяние. — Я слышала выстрел по телефону! Пустите, пустите меня к нему...

— Успокойтесь, m-lle Лилиенталь... Это был холостой выстрел... Борис и не думал стреляться... А сейчас он не может вас принять, потому что его костюм не в порядке... M-lle Лилиенталь привыкла к обществу светских фатов... Без смокинга и белого жилета он боится уступить в джентльменстве г-ну Извольскому...

— Не смейте со мной так говорить!.. Так, значит, это была комедия?.. Борис жив!

— Борис жив... Вам он своею смертью ни удовольствия, ни рекламы доставить не намерен... Борис Завьялов выше телефонных флиртов и вообще... Он едет со мной на войну.

Борис вышел из своей комнаты и, приветливо подавая девушке обе руки, спокойно и радостно сказал:

— Да, Лия Львовна. Я еду на войну добровольцем! Спасибо, что пришли ко мне проститься... Это то важное, что я хотел вам сообщить... Я сам хотел повидать вас, но вы были так суровы...

— Борис! Борис! Как тебе не стыдно так пугать меня! Я слышала выстрел и думала, что сердце во мне оборвется... Боже, что я пережила на извозчике, гоня его сюда... Я тут сразу поняла, кто ты для меня... Борис, Борис! Я люблю тебя! Я никуда от себя не отпущу тебя...

— Лия... За те две секунды, когда я был на краю могилы, от выстрела меня спас вот этот разбойник, ударивший по руке так, что и сейчас ломит, — за эти две секунды я тоже пережил целую жизнь... Я увидал и понял, какую непоправимую глупость чуть было не сделал. Мне такой мелкой, такой ничтожной, такой жалкой кажется моя ревность, ваша жестокость, неотразимость Извольского и прочая личная чепуха, что стыдно вспоминать о них. И не будем говорить ни о чем этом личном.

— Борис, я не пущу тебя на войну!

— Бросьте, Лия, истерические вопли. Ими вы не тронете никого. Перед вами не тот мальчишка, который полчаса тому назад вымаливал свидание... Я сам не знаю, как у меня открылись глаза... Умереть за вас, даже жить ради вас для меня теперь не кажется достойной меня задачей... Я умру за родину! Клянусь моею... любовью к вам...

— Борис! Я скверная, я гадкая! Я нарочно дурила с Извольским, чтобы разжечь твою ревность... Я не верила, что ты способен на самоубийство! Я не знала, как люблю тебя... Я не пущу тебя! Я сама поеду за тобой... Хочешь, я поспущу в сестры милосердия!..

— Ничего я от вас не хочу... Поступайте, как хотите, как чувствуете...

Кукарников с восхищением глядел то на Бориса, то на Лию:

— И такие славные ребята чуть-чуть было не искалечили себе жизнь из-за какой-то там гадины!..

— Вы не едете сегодня в театр?..

— Нет, я еду, но не сегодня, на театр военных действий.

Она схватила голову Бориса и впилась в губы поцелуем, орошенным слезами радости, счастья, муки, неизъяснимой сладости решения, которое сразу окрылило ее существо.

— Вот это настоящее дело! Вы любите друг друга и, несмотря на это, поедете на войну! Вот это настоящее героичество! Уж и напьюсь же я сегодня! Урра! Подать мне полный бокал политуры!

XV

В УНИВЕРСИТЕТЕ

Назавтра Завьялов с девяти утра уже побывал в канцелярии военного начальника.

О, конечно, его примут добровольцем, несмотря на то, что таких, как он, добровольцев были сотни, тысячи.

Радостное возбуждение охватило его. Не хотелось идти на урок. Так и подмывало завернуть в университет и пообщаться к общему празднику, о котором рассказывал Кукарников.

С тех пор, как Борис получил этот урок, убивающий его утренние часы, он ни разу не был в университете, ни на одной лекции!

Даже в лицо не знает некоторых профессоров. Как, впрочем, и многие из студентов.

Урок у него выгодный, приятный, нетрудный: готовить в первый класс гимназии бойкого, способного, милого мальчика, который и без того готов. Заниматься с ним — одно удовольствие.

— Воля ничего не потеряет, если пропустить урок... Да все равно ведь скоро придется урок бросить: теперь не до диктантов и не до арифметических задач! Надо подыскать заместителя... Если Погожев в университете, кстати поговорю с ним. Из университета позвоню Марье Николаевне и предупрежу, что сегодня заниматься не могу.

В самом деле, Борис не может заниматься; в голове у него одна мысль: само Провидение послало ему вчера Кукарникова и спасло его от величайшей глупости для, быть может, величайших подвигов.

Все отправляющиеся на войну — фаталисты. Борис, только что спасенный от верной смерти, был в эти дни фаталистом из фаталистов.

В университете — радостная автономия.

Там и тут в коридорах и аудиториях собираются сходки. Ораторы влезают на кафедру. Им аплодируют. Крики «ура!» перекатываются из конца в конец.

Если прислушаться — все речи о войне. И смысл их — один. Все, как один человек, все студенчество, вся университетская громада должна встать грудью на защиту отечества в этой справедливейшей, священнейшей, отечественнейшей и вместе с тем всемирной войне.

В одном месте записывались в санитары. В другом распределялись участники для продажи значков в пользу раненых. В третьем назначались дежурные для поджидания на вокзалах поездов с ранеными.

У многих студентов на руке перевязь «Красного Креста» или другой какой-нибудь благотворительной организации.

Такую перевязь увидел Борис и на Сашке Погожеве.

Погожев — милый парень и здорово нуждается. Завялову деньги нужны на карманные расходы, он живет на полном иждивении у весьма состоятельных родителей. А Погожев живет впроголодь.

На уроки ему не везет: все больше благотворительного характера у таких же бедняков, как он сам.

— Да, признаться, меня в порядочный дом и не впустят из-за гардеробца. Гардеробцем не вышел. А в наше время с репетитора, как с актера, гардероб спрашивается. А ты погляди, что у меня за тужурка. Ежели ее вскипятить, уха получится.

Улучив момент, Борис сказал ему, что хотел бы передать ему свой выгодный урок и часть своего, теперь ему вовсе ненужного, гардеробца. Погожев и Завьялов с гимназической скамьи приятели, поэтому «гардеробное предложение» для них не оскорбительно.

— Борис, в другое время я сделал бы сальто-мортале от радости, столь лестно твое предложение. Но теперь, ты понимаешь, все утра у меня заняты... Я раненых на вокзале встречаю... Да и не только утра... Поезда ведь и днем приходят... Что же касается до гардеробца... Он всегда вызывал в моих глазах плотоядные огоньки, хороший у тебя гардеробец... Я тебе дам адресок, ты туда и снеси его, там, брат, для окопов теплое белье и вообще гардеробец собирают... Очень невредная у тебя тужурочка и брюки тоже, одно слово, диагональ*... Мои диагонали, — Погожев хлопнул себя по брюкам, — тоже в блестящем положении, в особенности лоснится, блестит и сверкает то место, на котором в высшем свете принято сидеть, не порты, а Блистательная Порта... Но у тех, кто сейчас в окопах мерзнет, нет и таких....

Общее возбуждение охватило Бориса. Ему захотелось немедленной деятельности.

— Саша, пока там в воинском правлении идет своим чередом дело о приеме меня добровольцем, я хотел бы примазаться к твоему отряду. Руки у меня сильные, спина здоровая, потаскаем раненых...

— Молодец! Приходи завтра к семи утра на Варшавский вокзал!

Только в третьем часу Борис вспомнил, что надо позвонить к Гроссмихелям.

* Плотная хлопчатобумажная или шерстяная рубчатая ткань (*Прим. изд.*).

XVI

ГОРЕ ВОЛИ

— Это вы, Марья Николаевна?.. Простите, что не мог сегодня дать урок Воле... У вас несчастье? Какое несчастье?.. Меня спрашивали?.. Несколько раз... Как фамилия?.. Я такого не знаю... Что такое: у вас таинственное несчастье; у меня — таинственный посетитель по важному делу... Немедленно еду к вам...

Он застал трогательную картину. Марья Николаевна обвила руками головку мальчика и заливалась слезами.

При виде любимого репетитора Воля соскочил с колен матери и со слезами бросился на шею Борису.

— Борис Егорыч! Милый Борис Егорыч! У нас такое несчастье...

— Успокойся, детка, в чем дело?..

— Мой папа — немец...

— Ну так что же из этого?..

— Он — немецкий подданный...

— Ну и что же?..

— Как что же?.. А ведь я-то русский подданный!.. Значит, папа — мой враг!.. Значит, я его могу убить!.. И он меня может убить... И вот мы его и взяли в плен... И Карла взяли в плен... Но как же я буду без папы!.. У всех есть папа, а у меня... враг... Милый папа, разве ты виноват, что родился немцем!.. За что, за что же меня-то и маму сделали сиротами...

— Что он говорит? Где Фридрих Францевич?..

— Произошло какое-то недоразумение, и его арестовали...

Мальчик плакал и причитал:

— И все из-за моей диктовки... Папа посылал ее бабушке... Ну вот и догадались, что он немец... Все из-за противной диктовки?..

— Ничего не понимаю... При чем тут диктовка?..

Вошла горничная.

— Борис Егорович! Вас околоточный спрашивает...

— Меня! Что такое?..

Вышел с тревогой на лице.

— Вы г. Соколов?

— Нет, я Завьялов...

— Вы репетитор детей г. Гроссмихеля?

— Я.

— Я имею предписание вас немедленно доставить в сыскное отделение... Будьте любезны одеться...

Воля вбежал в переднюю и, увидав, что полицейский уводит с собой студента, отчаянно закричал:

— Мама! мама! Бориса Егоровича тоже взяли в плен! Но ведь он русский... Ведь он наш!..

XVII

О ЦИРКОВОЙ ХРОНИКЕ И ПРОЧЕМ

Околоточный и Борис сели на извозчика.

— Положительно недоумеваю, в чем дело?

— Я с утра поджидаю вас. Приказал швейцару, как только явитесь, позвонить в участок... Не беспокойтесь... Вероятно, допросят и выпустят. Что-нибудь по делу Гроссмихеля.

Чрезвычайно предупредительный и любезный чиновник охранного отделения предложил Борису папиросу и приступил к допросу.

— Ваша фамилия Соколов?

— Нет, это недоразумение, я говорил уже околоточному, что моя фамилия Завьялов.

— Имя, отчество?

— Борис Егорович.

— Звание?

— Дворянин.

— Вы состоите репетитором у Фридриха Францевича Гроссмихеля?

— Да, я готовлю его мальчика в гимназию.

— Кроме вас, у мальчика нет учителей?..

— Нет.

— Быть может, музыки или какого-нибудь предмета не-гимназической программы?

— Я наверное знаю, что нет.

— Быть может, у мальчика был репетитор с этой фамилией до вас?

— Я имею этот урок год и три месяца. До меня была гувернантка.

— Не Соколов?

— Нет, сколько мне помнится, немка... Берта Берс...

Чиновник улыбнулся.

— Та самая героиня цирковой сенсации, которую мы сейчас разыскиваем...

— О цирковой сенсации я ничего не знаю,..

— Возможно ли это? Ведь о ней сейчас полны газеты.

— Я газет эти дни не читал.

Борис сказал это так просто и искренне. Увлеченный романом с Лией, поглощенный мыслью о самоубийстве, он действительно эти три дня не заглядывал в газеты. Чиновник изумился:

— Молодой человек! Что вы говорите! Возможно ли не читать газет в наши дни...

Борис вспыхнул:

— Конечно, я пробегаю телеграммы...

— Все-таки «пробегаете»...

— Да... Только телеграммы, а до цирковой хроники мне дела нет..

— Но дело Берты Берс и Гроссмихеля посерьезнее цирковой хроники.

— Как!.. И Фридрих Францевич замешан тут?..

— А вы и об этом не читали?.. И мадам Гроссмихель вам ничего не рассказала?!..

— Она не успела. Я видел ее в слезах. Понял, что мужа, как и прочих немцев, выселяют... Но подробностей спро-

силь не успел, меня вызвали к околоточному...

— Не можете ли вы сказать мне, кто писал вот этот адрес?

— Это писал я.

— Кому вы адресовали это...

— Это письмо адресовано бабушке моего ученика в Берлин, Фридрихштрассе, 33, г-же Эмилии фон Гроссмихель. В конвертике этом заключались образчики немецких диктовок моего ученика. Бабушка чрезвычайно интересуется успехами внука в немецком языке, и раза два в неделю Фридрих Францевич доставляет ей это удовольствие.

— А не догадывались ли вы, что, кроме цели доставить удовольствие почтенной бабушке, у Гроссмихеля была и другая цель?

— Несомненно. По словам Фридриха Францевича, бабушка — очень состоятельный человек, чуть ли не миллионерша и, поддерживая с нею переписку, он тем самым напоминал ей о существовании у нее наследников в России.

— А вы не знаете, выдается теперь с Бертой Берс Иван Евгеньевич?

Чиновник бросил этот коварный вопрос словно нечаянно. Он хотел врасплох поймать Бориса.

— А кто такой этот Иван Евгеньевич?

— Соколов.

— Клянусь вам, что я никакого Соколова не знаю. Берты Берс ни разу не видал. Какую роль играет диктовка моего ученика, не догадываюсь. За что арестован Гроссмихель, — не знаю. Я вас прошу отпустить меня... Я вам больше не могу сказать ни слова.

— Не горячитесь, молодой человек... Вы арестованы. Отпустить вас я не имею права...

— Арестован?!.. По какому поводу?..

— По делу о шпионе Гроссмихеле... Мы имеем основания думать, что переписка с «бабушкой» шла через ваши руки... И мы знаем, кто эта бабушка, господин Соколов...

— Кто эта бабушка?..

— Главный германский военный штаб...

Борис расхохотался.

XVIII

В ТЮРЬМЕ

Гроссмихель большими шагами ходил по камере тюрьмы, — четыре шага к окну, четыре от окна, — как маятник, вперед и назад.

Он хотел устать, утомиться движением, чтобы заснуть и ни о чем не думать.

Но мысли вихрились в голове, и главная из них: «кто предал?»

Без предательства своих же никогда не попался бы такой осторожный, а главное, неуловимый и изобретательный агент.

Достаточно того, что жена его, с которой они живут столько лет «душа в душу», считает его самым убежденным патриотом своего нового отечества.

Кроме Карла, его телохранителя, беззаветно ему преданного, и Берты, его телохранительницы, преданной ему со всей беззаветностью возлюбленной, никто не знает о том, что Гроссмихель — тайный агент германского правительства.

Да и как узнать, когда род деятельности Гроссмихеля не весом.

Недавно Гроссмихель читал на английском языке записки знаменитого германского шпиона Армгорда Карла Грэвса*.

Германские шпионы всегда танцуют на проволоке, натянутой через пропасть.

* Армгард Карл Гревс (1882 – после 1937) – авантюрист, мошенник и фантазер, подвизавшийся некоторое время в качестве германского агента в Англии; далее речь идет о его кн. «The Secrets of the German War Office» (1914), русский пер. которой под назв. «Тайны германского главного штаба (Дневник шпиона)» вышел в 1915 г. (*Прим. изд.*).

И очень часто проволоку эту режут с германской стороны германские ножницы.

Немецкий шпион собирает всякие сведения, полезные для своего отечества. Но иногда, и очень даже часто, узнает и сведение для своего отечества опасное.

Тогда дорогой фатерланд берет ножницы, — чирк! — и готово, верный агент прусского правительства, узнавший больше, чем надо, предательски летит в пропасть.

И Армгорд Грэвс испытал такую судьбу: он был выдан Англии своим же правительством.

Озлобленный на вероломство, он поступил на службу к Англии и написал свои «Тайны германского военного министерства».

ХІХ

ТАЙНЫ ШПИОНАЖА

По словам Грэвса, существуют четыре системы осведомительной службы: четыре главных государства имеют каждое свою.

.
.
.

Англия имеет очень хорошо поставленную службу в Индии и в своих азиатских владениях, но сравнительно поздно выступила на европейской почве.

Нельзя не упомянуть и разведочного бюро с главной квартирой в Бельгии (Грэвс пишет за год до войны); это наполовину частное предприятие, добывающее достоверные сведения для всякого, кто ему заплатит. Этому бюро обыкновенно поручают добывание технических деталей. . . .

.

Германская разведочная часть, в которой Грэвс прослужил 12 лет, разделяется на четыре отдела: армейский, флотский, политический и личный.

Первые два отдела состояли в ведении берлинского главного штаба (Grosser General Stab): это — самая удивительная организация в мире.

Политическим и личным отделом заведует сам император.

Первые два отдела занимаются добыванием тайных сведений относительно вооружения, передвижения, планов, открытий и т. п.

Политический отдел занимается наблюдением за свиданиями государей, министров и т. п.

Личный отдел — личные поручения императора.

Персонал состоит из мужчин и женщин всякого положения. Князья, графы, адвокаты и врачи, актеры и актрисы, дамы известного света, дамы полусвета, лакеи и швейцары — всеми пользуются при случае. Легко может случиться, что ваш интересный знакомый по салону парохода, экспресса или ваша очаровательная соседка в чайной комнате «Отеля Рица» — агент на жалованье какого-нибудь правительства. Великие певцы, танцовщицы, артистки, особенно из Австрии, нередко шпионы

.
.
.
.

XX

ГРОССМИХЕЛЬ О СЕБЕ

— А к какой категории Грэвс причислил бы меня? — подумал Гроссмихель. — Во-первых, я работал и для ар-

мии, и для флота, и для политических и личных сфер. А, во-вторых, мое общественное положение совершенно исключительно. Я избрал себе ареной — клуб. Самый крупный, самый азартный клуб Петрограда. Кажется, до меня никто не обратил внимания на эту арену, а между тем для шпионажа она самая удобная. Ведь в игорной зале бывают и представители банков, акционерных обществ, заводов, бюро- и плутократии, военные и штатские... Нервы у них взвинчены, подозрительность отвлечена игрой от их профессиональных тайн. Между картами, за ужином, между делом, в мимолетных отрывистых, брошенных невзначай замечаниях, Гроссмихель каждую ночь находит сенсационнейший материал. В особенности насчет военных заказов, военного характера вопросов, связанных с передвижением войск, передвижением личного состава, выдвиганием кандидатур.

— Ах, и клещами не удалось бы из иного человека вытянуть то или иное признание при иных обстоятельствах.

А здесь из него, как из решета, сыплются дипломатические новости и свежее-просольные анекдоты, надо только уметь наводящими вопросами провоцировать откровенничанье.

В игорном зале все равны, — все игроки. Тот, кто умеет приятно и помногу проигрывать, пользуется большой популярностью и симпатиями.

Гроссмихель играл, как джентльмен, видно было, что для него деньги, как таковые, не имеют цены, что он любит, как спортсмен, самый процесс игры и умеет проигрывать красиво.

Как собеседник, он человек умелый и остроумный.

А откуда у него деньги? Этот вопрос никого не касается.

Откуда деньги у этих инженеров, интендантов, банкиров, коммерсантов, лиц, не имеющих профессии или, напротив, имеющих очень видную профессию?

Из кармана.

А чей это карман, — сие покрыто мраком неизвестности.

Гроссмихель слывет не только прекрасным игроком, но и чрезвычайно добрым малым.

Сколько из здесь присутствующих он положительно спас от петли, ссужая сотней-другой в самую критическую минуту.

И никогда Гроссмихель не напомним о долге; и многие с его поддержки отыгрывались и наигрывали целые состояния.

Ну, как не пооткровенничать с таким очаровательным партнером!

А как он внимателен, как любознателен, как умен, с таким собеседником не соскучишься.

Весть, что Гроссмихель арестован по подозрению в шпионстве, потрясла клуб.

— Не может быть! — с пеной у рта горячились одни. — Он, кроме карт, не интересовался ничем!

— Ну, конечно, шпион! — после времени догадывались другие. — То-то он так всем интересовался!

Гроссмихель ходил крупными шагами и думал:

— Неужели и Берта арестована? Неужели у жены произвели обыск и нашли красный портфель с бумагами? ведь в них, как на ладони, вся деятельность «Разрешенной правительством радиотелепатической лечебницы на Каменноостровском проспекте», «Разрешенного правительством первого бюро по найму гувернанток и немецкой прислуги», «Кружка посетительниц лазаретов “Милосердие”», «Контроль кредитоспособности», «Бюро газетных вырезок» и прочих учреждений, по его плану основанных разными лицами и через Берту получающих от него инструкции...

Неужели в руки полиции попало письмо из Берлина, адресованное на имя мифического Соколова и содержащее инструкции ему на случай, если будет исполнена мера выселения германских подданных из Петрограда?!

Нет, это было бы слишком ужасно, Берта неуловима, это — его единственная и лучшая ученица...

РОМАН БОННОЧКИ

... Нет еще четырех лет, как он впервые увидел ее.

Она вошла в их дом в качестве бонны, только что покинув Берлин и пансион.

Фридрих сразу понял, что может сделать в его деле красота этой полу-девушки, полу-ребенка, если, конечно, он сам не смалодушничает и не увлечется ею.

Трех вещей шпион должен бояться, как огня: вина, женщин и друзей.

К трем вещам чаще всего должен шпион обращаться, чтобы выведать тайну: к женщинам, к вину и... друзьям.

И с места в карьер Фридрих повел сложную, опасную игру: надо было влюбить в себя, но самому не влюбиться, надо было влюбить в свое дело эту крепкую, свежую, ароматную розу, но не уколоться об ее шипы, надо было добыть беззаветно преданную рабу, не сделавшись самому рабом.

Это чрезвычайно трудно: женщины, одаренные такой притягательной красотой, действуют на мужчин, как на мух клейкие бумажки «Смерть мухам».

Красота Берты — «Смерть мужчинам!»

Приклеится к ней какой-нибудь неуловимый тип, тут его и бери голыми руками и вей из него веревку.

Чтобы после его и повесить на этой веревке.

Влюбить в себя Берту оказалось вовсе не трудно. В Петрограде у нее не было вовсе знакомых; у Фридриха прекрасные, проникновенные глаза, он смугл и строен, у него такие холеные руки и аристократические манеры, он так безумно щедр и окружен ореолом фаталиста: вся жизнь для него — смелый, дерзкий вызов судьбе: все на карту.

XXII

О МАННОЙ КАШКЕ

В один из воскресных вечеров, — воскресенье выходной день Берты, — Фридрих столкнулся с бонночкой у подъезда; Берта уже возвращалась домой из отпуска, а Фридрих отправлялся в клуб.

— Так рано, и вы уже домой!..

— Так поздно, и вы из дома!..

— Вы прекрасно могли бы пойти в театр или вообще как-нибудь провести еще часа два...

— Одной? Вы думаете, это весело?

— А вы разве пробовали вдвоем?..

Берта вспыхнула и еще больше похорошела.

— Я говорю, вдвоем с подругой... Ну, садитесь в автомобиль. Я вас прокачу по островам. Вы не видели острова, не знаете Стрелку?

Сверх ожиданий Берта, не упрямясь, вошла в его автомобиль, и они помчались.

— Вот счастливец! Вы можете кататься каждый день...

— То, что можно делать каждый день, перестает быть счастьем.

— Так неужели же вы несчастливiec!.. У вас такая хорошенькая жена, такие миленькие дети, такая масса денег и такая... ха-ха-ха...

— Ну, договаривайте, договаривайте...

— ...Такая очаровательная гувернантка!..

Фридрих в первый раз видел Берту такой разговорчивой, смелой и оживленной...

— Ну, положим, гувернантка не у меня, и я принужден завидовать Воле...

— Вы хотите, чтобы я кормила вас манной кашкой, как Волю...

— Манная кашка... фи!.. Это символ семьи и ее добродетелей...

— Вы говорите таким тоном, как будто семья вам наскучила...

— То, что видим каждый день, перестает быть счастьем...

— Позвольте... Но неужели может перестать быть счастьем такая прелестная женщина, как ваша жена?..

Фридрих не отвечал. Он барабанил пальцами по ручке дверцы и вполголоса повторял:

— Манная кашка! Манная кашка!

И вдруг резко повернулся к ней:

— Берта! Вы любите родину?..

— Родину? — изумленно переспросила Берта. — Какую родину?

— Мою родину.

— Россию?

— Нет, Германию.

— А вы разве германский подданный?

— Ну, конечно. И это мое счастье. Семья — это манная каша. Я делаю вид, что с удовольствием кушаю это блюдо. Но, во-первых, я не хочу быть несправедливым по отношению к жене: ведь она ради меня также сделалась германской подданной, отеклась от родины... А, во-вторых, надо, чтобы никто в мире не догадывался, что ты несчастлив, и тогда сам забываешь об этом...

Берта насторожилась:

— Зачем вы все это говорите мне?

— А я и сам не знаю, зачем... Должно быть, затем, что в вас увидел прекрасный цветок, выращенный на полях моей обожаемой родины... должно быть, затем, что с вами я могу говорить на настоящем берлинском языке, а не на чухонском наречии... Вы заметили, как говорит по-немецки жена?..

— Вы сегодня несправедливы к ней. Я могу подумать, что вы нарочно клеветеете и на нее и на себя, чтобы сейчас признаться в любви мне, дурочке-гувернантке, и вскружить ей голову... Недостает еще, чтобы вы предложили мне пойти в ресторан и там за бокалом шампанского поболтать о любви к отечеству...

— Я не знал, что вы такая злая и такая... умная... Из всего, что вы сказали, верно одно: мне страстно хочется поболтать с кем-нибудь о моем милом Берлине... Вы недавно оттуда, и мне кажется, в ваших волосах еще сохранился запах липового цвета старых немецких лип...

— О, да вы поэт! Вы говорите, как в бульварных романах нашей милой родины.

—

—

— Позвольте... Но в каких же еще романах, как не в бульварных, богатый герой, собираясь делать признание своей жертве, говорит о любви к отечеству... Как будто вам кто-нибудь мешает бросить Россию и уехать на родину...

— Мешает...

— Кто? Семья?..

Он отрицательно качнул головой.

— Клуб?

Он отрицательно качнул головой и улыбнулся.

— Кто же? Что же мешает вам вернуться на родину?

— Родина! — и, словно спохватившись, что сказал больше, нем надо, резко замолчал.

XXIII

НА СТРЕЛКЕ

— Герой моего романа говорит загадками. По-французски это называется *épater le bourgeois*...*

Фридрих молчал и думал:

— Она владеет и французским языком... Это то, что мне нужно...

Берта продолжала:

— Герой угрюмо молчал... Вдруг взгляд его сквозь дверцу автомобиля упал на ландшафт и он непринужденно воскликнул: «Какая красота», и они оба стали восхищаться природой...

— Так, что ли? — насмешливо и даже фамильярно засмеялась Берта.

— Нет, совсем не так... Острова действительно восхитительны, но я восхищаться ими не намерен. Чем восхитительнее здесь природа, тем более возмущаться буду я... Ну, разве не возмутительно, что здесь, в центре города, на очаровательной Неве, такой допотопный кустарный ресторан, как «Славянка»... Каких очаровательных вавилонов настроили бы мы, немцы, здесь, на Стрелке... А русские свиньи выстроили отвратительную будку, из которой торгуют кислым квасом и кислыми цветами... Да и то только летом... Восхитительный вид! Ну и что же дальше? Надо этот восхитительный вид коммерчески учесть и разработать, тогда он будет еще восхитительнее; и на это способны только мы, немцы... Вся Россия, с ее невероятными, сверхъестественными сокровищами, это — восхитительный вид. Но учесть восхитительные виды России сумеют только немцы. Русские свиньи дальше вот таких ресторанов и будок не поймут. В них русские свиньи будут объегоривать русских же

* Эпатировать буржуа (фр.).

свиней, сдирая рубли за то, что у нас в Берлине не стоит марки. Вся система русской промышленности и торговли сводится к тому, чтобы с русских же, со своих же драть рубли за то, что не стоит и марки... Немцы уже пришли и заняли передовые позиции: — балтийский край и южные колонии делают свое дело... Да и Петроград завоевывается нами: в банках, на заводах, на фабриках, — везде засел и окопался немец. И выбить его с позиций трудно. Посмотрите адресную книгу «Весь Петербург», — какое изобилие звучных немецких фамилий... Мы бескровно завоевывали Россию, но не о таком завоевывании я мечтаю. Придет час, — о, он даже близко, — когда великий Вильгельм Второй скажет: «Пора»... И пойдет на Варшаву и пойдет на Петроград... И насыщенная немцами Русь сдастся немецкому завоевателю без боя... Петербург... даже само название этого города немецкое...

Берта слушала, не проронив ни слова, горячую и искреннюю речь Фридриха.

А он, чувствуя на себе ее взгляд, изливал всю свою ненависть и презрение по адресу неумытости, неумелости, неприглядности «русских свиней».

— Ах, Берта, Россия вырождается, а не нарождается, как думают они... Вы не знаете этой системы спаивания друг друга, которая отнимает ум, энергию, волю, силу у этих далеко не глупых, далеко не безвольных и слабых по натуре славян. Они насыщены парами алкоголя... Это — потомственные алкоголики; если мы не заберем их в руки, они все равно погибнут. И мы заберем, уже близок этот день!...

— Вы, кажется, хотите сказать, что скоро Германия объявит войну России... Но у России есть могущественная союзница — Франция...

— Браво, фрейлейн Берта! Вот когда мне хочется схватить вашу ручку и поцеловать ее, как в бульварном романе. Но я не сделаю этого. Потому что у меня настроение не романическое, а вы менее всего похожи на героиню бульварного романа...

— Вы хотите сказать, что я не гожусь в героини?..

— Кто знает?.. Быть может... Даже наверное годитесь...

— Отчего вы мне не ответили на вопрос о возможных союзниках России?

— Германия будет иметь таких союзников, каких сама пожелает...

Вдруг автомобиль круто повернул и остановился.

— Что случилось? — Фридрих раскрыл дверку. — Полюбуйтесь, Берта... Вот наш главный союзник...

— Кто это?

— Пьяный!..

На мостовой лежал полутруп мастерового.

— А вот — фабрика наших союзников...

Фридрих указал на залитый огнями ресторан.

— Ну, если рассчитывать на таких союзников, так далеко не уедешь. Россия может в один прекрасный день бросить свою водку...

— Ах, милая Берта, Россия спаивалась веками, и нужен по крайней мере век, чтобы из нее хмель вышел...

XXIV

ДОСТОЙНАЯ ДОЧЬ БЕРЛИНА

— Позвольте, господин Гроссмихель, ваш тон и обращение «милая Берта» мне не нравятся... это почти на ты...

— Герой бульварного романа сказал бы: «Ах, фрейлейн Берта, простите мне мое минутное увлечение. Но мне вы напомнили одну такую же прелестную девушку, с которой я в детстве играл под каштанами... Вообще, мне кажется, что с вами я уж давным-давно знаком и близок и на ты...» Но я не скажу этого... Напротив, я готов поклясться, что в первый раз вижу такую оригинальную и восхитительную фрейлейн...

Берта запела по-испански:

Не клянись... Что клятвами начнется,
То проклятьем может кончиться, дитя.

— Боже мой! Да у вас прекрасный голос!

— Вообще во мне непочатый край всяких возможностей!.. Но и вы тоже хороши!.. Как это вы успели шепнуть шоферу, чтобы он остановился у ресторана?.. А клуб?.. Разве игрок может прожить ночь без того, чтобы не испытать счастье?..

— Бульварный герой сказал бы: «Что такое клуб! Я сегодня попытаюсь испытать счастье в другом месте...»

— Faites votre jeu, monsieur!..*

— Ого! — подумал с восхищением Фридрих. — Девушка, достойная дочь Берлина и достойна участи более полезной, чем воспитания моего сына...

В эту ночь Фридрих не был в клубе.

Испытал ли он счастье, или не испытал с Бертой Берс, только на следующий день категорически заявил Марье Николаевне, что, по наведенным им справкам, фрейлейн Берс вовсе не пригодна для роли руководительницы его детей.

Марье Николаевне самой не по вкусу пришлось, что Берта, не спросившись, ночевала не дома и не могла объяснить где, так как в Петрограде у нее не было ни одной близкой души...

Фридрих поселил свою возлюбленную в маленькой, уютно и даже роскошно обставленной квартирке в двух шагах от клуба.

Через неделю Берта ненавидела Россию и русских так же, как и он.

И когда Фридрих предложил ей быть его помощницей в деле снабжения германского главного штаба агентурными сведениями на предмет войны 1913 года**, она ответила горячо:

— Deutschland über alles!..

* Делайте вашу ставку, месье (*фр.*).

** Вильгельм намеревался объявить войну в 1913 г., чему немало доказательств (*Прим. авт.*).

Для начала Фридрих посоветовал Берте открыть бюро по рекомендации гувернанток и немецкой прислуги.

Бюро понравилось, благодаря дорогой рекламе, сразу.

Рекомендованные Бертой гувернантки попадали как раз в такие дома, которые были так или иначе полезны Фридриху.

Военные, дипломаты, интенданты, инженеры, поставщики на армию и т. п., и т. п. и не подозревали, что все они у Берты на отчете.

Агенты в юбках доносили ей о каждой мелочи, и донесения «бабушке» Фридриха сделались еще содержательнее...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ГИПНОЗ ИЛИ СТРАСТЬ

ГДЕ БЕРТА?

После таинственного исчезновения в цирке и таинственного ночного визита к Гроссмихелю Берта поселилась в радиотелепатическом институте фон Таубе, — в одном из шикарных домов Каменноостровского проспекта.

Лучшего, более безопасного пристанища и выдумать нельзя.

Ведь здесь можно жить без прописки. Ведь вся прислуга лечебницы — свой брат. Ведь за день здесь перебывает масса посетителей; где тут дворнику усмотреть, все ли уехали, не остался ли кто ночевать.

Институт Таубе основан по мысли Гроссмихеля.

Берта познакомилась случайно с этим гипнотизером и рассказала Фридриху, как чисто работает он и как могучи его внушения.

Фридрих сразу понял, что такой гений — клад; если ему подбирать пациентов, в особенности пациенток, из дипломатических и вообще из соответственных сфер, они в состоянии гипноза могут снабжать гипнотизера самыми ценными сведениями, могут превратиться в агентов Таубе, не подозревая, что они изменяют отечеству и выдают политические тайны шпиону.

Институт Таубе поставлен на широкую ногу.

Посетительницу встречал лакей в черном фраке и по обытому темно-зеленым сукном беззвучному полу проводил в салон. Салонов для ожидания три. Один большой — общий и два маленьких для лиц, которые желают по каким-либо соображениям ожидать в одиночестве.

Сами кабинеты внушений обиты темно-зеленым сукном с пола до потолка. Наверху лиловый лампийон.

У Таубе четыре помощника, которых тот обучил своему ремеслу; все четверо, как и лакеи, конечно, немцы.

Сам Таубе отбирает себе только интересных пациентов. Помощникам же приходится возиться, главным образом, с дамочками, желающими похудеть.

Половина играющих «на похудение» дам — актрисы.

Две-три актрисы, в числе поклонников которых состоят видные сановники, принимаются самим Таубе.

Это — сухой, высокого роста брюнет с властными, демоническими глазами. В кинематографе ему заплатали бы дорого, если бы он играл роли демоничных героев. Фамилия Таубе* не подходила к нему; он походил скорее на ястреба.

Таубе достаточно только пристально взглянуть, властно сказать «спите!», и жертва была всецело в его руках. Он диктовал ей, что надо сделать. Она, даже уйдя от него к себе, несколько дней была под гнетом его воли.

Для агентурных целей радиотелепатический институт изумительно удобен.

Ведь клиентки сами с риском для собственной шеи выполняли адские замыслы шпиона, и мало того: принося драгоценные сведения, сами же платили Таубе по 5 р. за визит.

Через Берту эти сведения шли к Гроссмихелю, и им обменивались на тысячи марок.

Гроссмихель, хотя и был фактическим изобретателем радиотелепатического (при чем тут радиий, никто не знал) института, но, как и везде, действовал анонимно через Берту.

Во всем Петрограде только Берта да Карл знали, что он — агент германского правительства.

Это был крупный плюс. Таубе ни разу даже не видал Гроссмихеля и не слышал его фамилии.

Берта поселилась в одной из задних комнат в личной квартире Таубе. Ее приезд был как нельзя более кстати.

* Таубе по-немецки — голубь (Прим. авт.).

II

СБОР ВСЕХ ЧАСТЕЙ

Людмила Зенгер из самых достоверных источников узнала, что решено к 25 октября выселить из Петрограда всех германских и австрийских подданных. Решено было немедленно обсудить все возможности для сохранения в целостности всех учреждений, основанных «дедушкой» (под этим псевдонимом был известен, повторяю, лично никому, кроме Берты и Карла, не знакомый Гроссмихель).

А учреждений этих немало: тесной сетью опутали они весь Петроград.

Не было ни одного дома, где не служила бы гувернантка или прислуга из бюро «дедушки» (особенно славятся лакеи честностью и исполнительностью), или не было бы клиентки модной мастерской «Madame Adler de Paris» (по паспорту австрийская подданная Эмилия Адлер), или не было бы пациентки радиотелепатического института, или не было бы дамы милосердия из кружка Зенгер, или не было бы члена карточного клуба, в котором Фридрих играет такую роль, или не было бы журналиста, который спешит поделиться свежеполученной, но вычеркнутой цензурой телеграммой с очаровательной надоедницей Людмилей Зенгер...

Таким образом, великое переселение народов, хотя и расстраивало деятельность учреждений «дедушки», но не парализовало ее вовсе. Петроград по-прежнему оставался под особым надзором различных Гроссмихелей.

Надо помнить, что Гроссмихель — только один из деятельных агентов. А на Петроград подобных ему командированы десятки.

Совещание главнoуправляющих отдельных частей происходило в большом отдельном салоне лечебницы Таубе.

Берта на нем не присутствовала. Напротив, она велела Таубе заявить, что, опасаясь ареста, еще третьего дня пря-

мо из цирка отправилась на вокзал, чтобы поспеть в Радом на бал принца Иоахима и саксонского короля.

Она лично передаст генералу Гинденбургу чрезвычайные данные, добытые радиотелепатическим институтом.

Берта находилась в соседней комнате подле замаскированного цветами окошечка и с удовольствием видела, что заявление об ее отъезде встречено сочувственными замечаниями по ее адресу: она не думала, что ее сотрудники так искренне любят и ценят ее.

Берта в самом деле думала через два-три дня поехать в Радом, — оставаться здесь было немыслимо, — слишком уж известна всем ее наружность по афишам цирка и открыткам.

Но одно чрезвычайно интересное обстоятельство задержало ее на неопределенное время в Петрограде. Наблюдая от нечего делать в потайное окошечко за пациентами, ожидающими Таубе, она в одно прекрасное утро увидела... инженера Переверзева, безумно влюбленного в нее.

Инженер этот работал над одним техническим проектом чрезвычайной важности.

Адский план созрел в ее голове.

III

ВО ВЛАСТИ ШПИОНКИ?

Берта не ошиблась: зачем же еще мог прийти к Таубе Переверзев, как не за тем, чтобы гипнотизер залечил его сердечную рану?..

С тех пор, как исчезла Берта, он потерял сон, аппетит, работоспособность, покой.

У него на руках такое важное, ответственное дело, он должен его кончить в семидневный срок и не может работать.

Берта в том виде, в котором она приходила к нему в последний раз, стояла перед его глазами и манила задорным и вызывающим видом своим.

Истощенный организм инженера представлял собой чрезвычайно благодарную почву для гипнотических экспериментов; с завтрашнего же дня начнется правильный курс лечения.

Завтра Переверзев должен быть у Таубе в половине двенадцатого ночи.

.

Вот он сидит на мягком кожаном кресле посреди комнаты, погруженной в темно-зеленый мрак. Только на потолке маячит фиолетовая светлая точка.

— Спите! — отчетливо слышится голос гипнотизера. — Вот у вас тяжелеют веки. Делаются неподвижными члены... Закрываются глаза...

Переверзев заснул, еще глубже уйдя в мягкое кожаное глубокое кресло.

— Проснитесь! Но встать с кресла вы не можете до тех пор, пока я не позволю.

Инженер раскрыл глаза и с любопытством уставился взором в темноту.

Гипнотизера в комнате не было. Но в одном месте на стене показалось какое-то светлое облако.

— Шшшшшжжжбумм!.. Ку-ку! Ку-ку!..

Это пробили где-то половину двенадцатого старинные часы с кукушкой.

Сразу как-то спокойно, солидно, старинно на душе сделалось. Раздался серебряный звон старинной табакерки с музыкой.

Табакерка играла медленный вальс *a trois temps** Ланнера.

* В три па (*фр.*).

И в такт музыке закачалось сиреневое облачко на стене. И чем больше качалось, тем больше принимало формы девушки.

И вот сердце Переверзева радостно забилося, что-то похожее на Берту почудилось ему в дымке сиреневого тюля.

— Да, да! Это она!..

Он хотел броситься к ней, протянул руки, но не мог встать с кресла.

Вдруг в комнате стало ослепительно светло. Перед ним стояла ослепительная в своей красоте Берта, как раз в том сиреновом платье с зеленым тюлевым шарфом, в котором он ее видел в последний раз.

— Берта! — радостно крикнул он.

— Илья, вы меня звали?.. Вы хотели меня видеть!

— Берта! Я умираю от тоски по тебе!..

— Вот я с вами... Я с тобой... Ты счастлив?..

— Берта! Подойди ко мне... Дай мне руку, чтобы я убедился, что это ты...

— Вот тебе моя рука! И вот колечко, подаренное тобою...

— Отчего так холодны твои руки?.. Нагнись надо мной, чтобы я мог дышать ароматом твоих волос...

Она обвила его шею руками и ласково прижалась нежным обескорсеченным телом к его груди, к его щеке и пьяным хмелем откровенного декольте одурманила.

— Куда ты исчезала? Зачем покинула меня, едва обнажив?

— Я уезжала в несчастную, разоренную Польшу. Я была в Радоме на балу принца. Я танцевала полонез с королем саксонским и мазурку с принцем Иоахимом. Графиня Потоцкая, княгиня Радзивилл и прочие знатные дамы отвечали мне почтительные поклоны, видя, как принц восхищен моей красотой. И вот все же я покинула их и вернулась к тебе, мой милый, дорогой Илья. Ну, целуй, целуй мою шею, мои плечи, мои губы...

Он впился губами в ее губы, и новый хмель новым прибоем по-новому охмелил его.

Вдруг она оторвала губы от губ, выскользнула из объятий, шепнула:

«До завтра, милый!..»

Сразу в прежнюю мглу погрузилась комната.

— Встаньте! — раздался голос гипнотизера. — Вернитесь домой, почувствуйте себя бодрым, прилежно работайте над вашим проектом сегодня ночью и завтра днем. Завтра в десять явитесь ко мне и продиктуйте все, сделанное вами.

— Шшшшжжжбум. Ку-ку!.. бум-ку-ку... бум-ку-ку...

Часы пробили двенадцать.

— Неужели только полчаса я провел в этом кабинете! Мне кажется, — целую жизнь, полную радостных видений. Переверзев ушел от Таубе другим человеком.

IV

ПЕРВОЕ ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ

— Берта, вы — гениальная актриса! — восхищенно воскликнул Таубе.

— Поневоле станешь гениальной, когда ту же роль с разными партнерами приходилось повторять по несколько раз в день. Но и вы гениальны. Теперь этот дурак продиктует нам свой проект и смету раньше, чем доложит их на заседании. Ну, а этот секретарь Кукушкин все продолжает?..

— Как же он может не продолжать, раз я ему внушил, чтобы после каждого заседания комиссии он приходил и подробно рассказывал ход дела и дебаты по нему...

— Все эти данные я соберу и повезу лично.

Но тут же сознание ее засосала тоска.

— Смогу ли я уехать от Фридриха!..

Все помыслы должны быть направлены на спасение его. Убийственно, что ни она, ни Фридрих не знают, какие улики имеет русское правительство. Быть может, никаких улик, обличающих Фридриха, и нет.

Кто может хлопотать об освобождении Гроссмихеля?

Конечно, его жена. На нее-то и надо натравить Людмилку. Эта пройдоха уже добилась того, что во всех газетах напечатано о появлении Берты на варшавском горизонте.

Она сидела, задумавшись, в том же кресле, в котором только что изнывал распаленный страстью Переверзев, и машинально устремила глаза в одну точку.

Вдруг она почувствовала на себе пристальный, властный взгляд Таубе. Вздрыгнула.

— Уж не хочет ли он и меня усыпить!

Решительно встала и, не прощаясь, ушла в свою комнату. Заперлась. Разделась. Легла спать, но не спалось. Какая-то тревога закралась в душу: надо бежать от Таубе. Он слишком засматривается на нее.

V

ГАЛЛЮЦИНАЦИЯ КУСАЕТСЯ

Назавтра к приходу Переверзева была приготовлена стенографистка. Усыпленный инженер, сидя в кресле, ясно выговаривая слова, диктовал наизусть то, что успел написать до сих пор.

Поразительна сила гипнотизма: ведь в бодрственном состоянии Илья Петрович, хоть убейте, не смог бы так гладко припомнить наизусть фразу за фразой весь свой сложный, с массой чертежей и планов доклад.

— Завтра в семь вы принесете сюда портфель, в котором будут чертежи и планы, и продиктуете то, что успеете сработать сегодня и завтра до семи. А сейчас проснитесь. Но не смеее встать с кресла, пока я не позволю.

Илья Петрович раскрыл глаза и увидел Берту. Сегодня сна появилась без музыки, без танцев. Она просто подо-

шла к инженеру, села на ручку кресла, положила руки на плечи и просто, участливо спросила:

— Ну, что, дружок, тебе лучше?

Он ловил ее руки, покрывая поцелуями, по-детски доверчиво глядел ей в глаза и все повторял:

— Берта! Берта!.. Где ты была эти часы, когда мы не виделись?..

— Илья! Я летела в поезде-экспресс к Берлину... Я спешила увидеть своего кайзера... Но в назначенный час я опять с тобой...

Она обняла его голову, а он рыдал от избытка счастья на ее груди:

— Я знаю, что ты — мечта, бред, галлюцинация, но... как поразительно реальна она...

— Илья, какой ты смешной, какой ты глупый... Дай руку, я ее укушу... Тебе больно, больно?.. Ну, может ли галлюцинация кусаться... Смотри, остались следы моих зубов. И они не исчезнут в течение нескольких дней...

— Но как же ты можешь в одно и то же время быть и в Радоме и здесь...

— Ах, милый, для любви все возможно.

— Так любишь? Любишь? — и бородатый ребенок со слезами счастья ластился к ней: — Ах, не все ли равно, мечта или явь!

Эти два дня он все время не узнавал себя — словно помолодел, а молодость верит сказке.

И опять в самый разгар ищущей своего разряжения страсти она ускользнула...

Ку-ку!.. Ку-ку!..

И он остался один во мраке,

— Встаньте!

Они вышли с Таубе в салон.

— Что это у вас с рукой?

Переверзев вспыхнул.

— Так... ничего... Должно быть, я в трансе себя укусил...

На руке алел укус Берты, — два ряда четких ровных зубов.

— Это невозможно. В моей практике не было ни одного случая, чтобы загипнотизированный мною субъект причинил своему телу какой-нибудь вред.

Через неделю весь секретный доклад был переписан, все планы сняты и... Переверзев никому больше не нужен.

Таубе внушил ему, чтобы он забыл о Берте, о сеансах, о нем. И инженер перестал бывать.

VI

НАДО БЕЖАТЬ!

Однажды ночью Берта слышит стук в дверь ее комнаты.

— Берта, отойдите! Мне надо сказать вам два слова! — раздался голос Таубе.

— Говорите, я расслышу и сквозь дверь!

— Мне надо вас видеть!

— Но я уже разделась!

— Тем лучше!

— Нахал! Пошел прочь!

Завтра же надо уехать отсюда!

Почувствовав опасность, Берта решила бежать. Но такие особы, как она, без боя не сдаются.

Берта понимает, что Таубе покушается именно на ее честь и вспоминает те два-три случая, когда попытка усыпить ее ему не удалась. Сейчас ее интересует главным образом вопрос о том, возможно ли загипнотизировать данного субъекта против его воли.

Большинство авторитетов говорит, что невозможно.

Не может, кажется, гипнотизер и обыкновенный сон перевести в гипнотический.

Берта облегченно вздохнула:

— Ну, а если это так, мы еще поборемся!

Она вспомнила, как Фридрих, потирая от удовольствия руки, говорил ей с месяц тому назад:

— Молодец Таубе! Чистота работы!.. Только бы какая-нибудь баба не забрала его в руки!

Берта изумилась:

— Что может сделать женщина с таким сильным волей мужчиной?

— Все. Влюбится Самсон, и потеряет силу. Из двух видов порабощения чужой воли — любовь и гипнотизм — я думаю, что первый могучее... Чары любви и чары гипноза так похожи друг на друга. И тот же Таубе, влюбившись в какую-нибудь краснощекую Акулину, может стать рабом ее хотений и изменить нашему делу и выдать всех нас...

Еще Фридрих говорил как-то:

— Сильные мужчины — сильнее влюбляются, а слабые — сильнее противостоят женским чарам.

Берта хотела позвонить Людмиле, чтобы та приехала.

Лакей таинственно сказал:

— Телефон занят! Не пожелаете ли, фрейлейн Берта, подождать вот здесь, во внушительном кабинетике...

Он указал на раскрытую дверь небольшого изолированного кабинетика, служившего для внушения особо важным особам.

Она вошла в него и в раздумье села в глубокое удобное мягкое кресло, стоявшее посредине комнаты.

VII

БАРХАТНАЯ КЛЕТКА

Вся комната, потолок и стены обиты темно-зеленым плюшем.

Нога тонула в темно-зеленом плюшевом ковре. Едва Берта вошла, как дверь, тоже обитая темно-зеленым плюшем,

беззвучно захлопнулась за ней, причем так плотно, что нельзя было на глаз различить линию косяка, словно никакой двери и никакого отверстия в этой плюшевой коробочке никогда и не было.

Свет падал только из лампичика на потолке и освещал единственную мебель этого кабинетика, шезлонг, на который присела Берта.

Когда пациент ложился на это кресло, удобно закинув голову назад, свет лампы озарял его лицо. Таубе нажимом на неприметную кнопку в стене превращал этот лампичон в одну светящуюся точку, на которой и фиксировал свое внимание пациент.

Шаги, стуки, движенья, слова, — все звуки глохли в гуще плюща. Взгляд тоже тонул в темнозелени и поневоле тянулся к светлой точке.

Берте стало жутко. Она вскочила с кресла и пошла к двери. Но где дверь? Она обошла вдоль всех четырех стен, шаря рукой, не было и намека на дверь.

Она крикнула:

— Петр, отоприте!

Ей самой едва слышным казался ее голос.

Она пробовала подходить вплотную к каждой из четырех стен и кричать:

— Петр! Петр! Откройте!

Лакей, только что впустивший ее в эту плюшевую клетку, не отвечал.

Берта поняла, что попалась в ловушку. Пробовала колотить кулаками в стены.

Никакого эффекта.

Злоба душила ее.

— Этот негодяй испугался, что я сегодня ускользну из его рук и решил овладеть мною силой!.. Крепись, Берта! Ты привыкла бывать в опаснейших положениях. Но в подобном еще не бывала!

VIII

В ЗАСАДЕ

Действительно, положение ее было запутано до крайности.

Арест Фридриха приковал ее к Петрограду: она дала клятву освободить его, да и могла ли она покинуть человека, которого любила, единственного в целом мире.

Ее популярная внешность и тщательные розыски ее особы после исчезновения из цирка не позволяли ей показывать носа на улицу.

Но и оставаться в ее безопасном убежище больше невыносимо, потому что опасность грозит из каждого угла.

В каждом углу ей чудились устремленные на нее гипнотизирующие глаза Таубе. Да, так и было.

В нескольких местах стены незаметно плюш раздвигался, и Таубе, стараясь не быть замеченным, из темноты вперял в жертву ястребиный взгляд.

Убедившись, что это так, Берта напрягла всю силу воли, уселась в кресло и захохотала.

— Ха-ха-ха... Этот негодяй думает меня усыпить!.. Как нарвется он! И почище его гипнотизеры пробовали, да не смогли!.. Je suis refractaire, mon ange!..* Ха-ха-ха... Он думает взять меня силой!.. Во-первых, я не верю, чтобы какую-либо женщину, а в особенности девушку, можно было бы живьем взять силой... А во вторых, он не знает, *rauvre diable***, что за брелок всегда висит на моей браслетке... Стоит только повернуть вот так крышечку этого шарообразного золотого флакончика, подаренного мне дедушкой, и готова бомбочка, которая без остатка разнесет не только этот дом, а и весь этот квартал домов...

* Я огнеупорна, мой ангел (*фр.*).

** Несчастный дьявол (*фр.*).

Когда Берта играла, она всегда почему-то французила и последнюю тираду своей речи бросила своему невидимому, но осязаемому врагу в лицо на чистом парижском жаргоне:

— И, наконец, еще мы посмотрим, *sale type**, кто кого осилит... Ты в меня влюблен, ты голову потерял, потому что хочешь меня!.. А гипнотизер только до тех пор гипнотизер, пока он не потерял головы, не потерял равновесия духа, не потерял силы воли... *A la guerre comme à la guerre!..*** Повоюем!..

IX

КОШМАР СЕМЕНА ЛАРИОНОВА

Семен Ларионов спал и во сне видел переживания той ужасной роковой ночи, когда он попал из могилы в лазарет.

Случай этот обошел потом газеты, и только из них узнал Ларионов, на какую подлую штуку пошли немцы.

Сам Ларионов был уверен до конца, что в дело впуталась чертовщина.

Разведочный отряд донес, что на закате в полутора верстах от рожицы, где наши мечтали на покое провести первую за две беспокойных недели ночь, блеснули каски немцев.

Значит, залегли — или нас поджидают, или сами ночью на нас обрушатся.

Решено их незаметно упредить, — как стемнеет окончательно — враспынную, ползком, ползком, а потом сразу в штыки.

Штык для немца, как ладан для черта.

* Негодяй (*фр.*).

** На войне как на войне (*фр.*).

Ползет Ларионов и думает, только бы не зашуметь.
Вдруг — затарахтел по-ихнему пулемет.

— Заметили, проклятые.

Ну, да уже близко.

Слышишь.

— Уррра-а-а!

Эге, — на ура взять приказано!

Это Ларионову сподручней, чем на брюхе ползть.

Вскочил, расправился.

— Уррра!

Давно уже Ларионов о штыковой работе мечтал.

.
.
.
.

Знает Ларионов, что не он, так другие Ларионовы до-
бегут и выбьют штыками проклятого.

— Уррра а-а!

Все здоровее, все надрывнее гром богатырской отваги,
все ближе к врагу, а близость врага так пьянит.

Как вдруг, что случилось?

Оборвалось ура, и.

.
.
.
.
.
.
.

Бежал вперед, не слушая и не слыша, и Ларионов.

Штык наготове.

Вот сейчас подденет немца.

Вот...

Ах, — что такое!..

Штык, как в привидение, вошел в немца... прошел на-
сквозь и... вышел...

А немец, как из песка сделанный, без следа рассыпался...

А за ним... батюшки, ужас какой!.. да ведь это не немцы, а мертвые!

Встали из могил в белых саванах и скелетятся...

На безглазых черепах немецкие каски нахлобучены...

На одних костях и мясо и одежда вся истлела.

.
.
и ноздрей сукровица...

И не один, не два, не три, целая рать мертвецов на наших поднялась.

.
.
.
.
.
.
.
.
.

Ларионов не помнит, как попал в объятия трупа, как упал в окоп-могилу, когда ему пулемет полоснул кровавыми полосами голени...

Очнулся он на приемном пункте...

И все вздрагивал, когда вспоминал последний зрительный аккорд — мертвецов в касках...

...Не понимал он тогда, что это проклятые немцы разрыли еврейское кладбище, привязали к жердям скелеты, надели на черепа каски, чтобы издали наши подумали, что на окопы немецкие натолкнулись...

Спит Ларионов и во сне вздрагивает от омерзения, видя себя в объятиях червоточивого трупа на дне сырой и смрадной могилы...

Х

ЯВЬ СЕМЕНА ЛАРИОНОВА

Я ли в поле да не травушка была,
Я ли в поле не зеленая росла...
Взяли меня травушку скосили.

Пело низкое грудное контральтовое сопрано Веры Александровны Завьяловой.

И весь лазарет тянулся навстречу скорбной песне и родным картинам, воскрешенным ее словами.

Вера пела с увлечением, и слезы задрожали в голосе.

Знать, такая моя долюшка...

Вера видела, какое наслаждение, какую радость внесла она в эти холодные и казенные стены.

Серые халаты и серые одеяла и эти свертки марли — магниты, приковывающие всеобщее внимание и всеобщее милосердие — все это куда-то отодвинулось назад.

А на первый план царственно вышла гармония Чайковского...

...Вечереющий день, залитые багрянцем заката хаты, заваulinка, калинка, калитка.

— Ну и здорово вы сегодня поете! — пробормотал восхищенно Кукарников. — Мне даже стыдно, что я вам мешаю своим паршивым аккомпанементом...

— Напротив, Кукарников, вы сегодня тоже в ударе. Берите Рахманинова.

И еще более трогательнее образ, напомните казенное здание*:

Полюбила я
На печаль свою

* Так в тексте (Прим. изд.).

Сиротинушку
Бесталанного
Увели его
Сдали в рекруты
И солдатка я
Одинокая,
Знать в чужой избе
И состареюсь...

.

Ревел Ларионов.

Ему показалось, что из смердящей мрачной могилы, в которую загнала его немецкая подлость, он попал в рай.

.
.

Белое платье, белый кисейный шарфик и белокурая голова Веры Завьяловой показались ему сказочно прекрасными.

Контраст между тем, что ему во сне пригрезилось и тем, что он увидал наяву, ударил по нервам, и вот выдавший всякие виды здоровенный детина Семен Ларионов ревет словно баба.

— Ты что? Тебе худо? — спрашивают подбежавшие к нему сестры милосердия.

— Нет... Хорошо...

ХІ

СТЫЧКА С ЛЮДМИЛОЙ

В это время, как ураган, ворвалась востроносая Людмила Зенгер.

— Что с ним?.. Что такое?.. Ах, бедный солдатик... Он расстроился от пения... Ужасно нетактичные особы берутся за такое деликатное дело, как развлечение раненых... Сударыня, я не имею чести быть с вами знакомой, но думаю, что вам следовало бы осмотрительнее выбирать номера для своих лазаретных гастролей... Завтра же скажу Руманову, чтобы он в «Русском Слове» поднял вопрос о непрошенных «певицах милосердия»...

Вера, пораженная стремительным потоком красноречия девицы, страдающей вечными запальчивостью и раздражением, с неудовольствием смотрела то на Людмилу, то на Кукарникова.

Кукарников, конечно, вспыхнул:

— По какому праву вы, сударыня, делаете замечания г-же Завьяловой? Кто вы такая? Нас приглашали сюда не вы, а...

— Кто я такая!.. Я — литератор! Я председательница союза дам милосердия!.. Я командор второго общества amazонок в Петрограде! Я личный друг Дорошевича, Измайлова, Григория Петрова, Немировича-Данченко, Волынского, Руманова... Стоит мне захотеть, и пресса обеих столиц высмеет недостойный лучшего поступок вашей дамы!.. Раз вы хотите развлекать раненых, так надо вносить сюда бодрость, смех, веселье, а не рыдания и слезы.

. Что это у вас за ноты?..

Она стремительно схватила с рояля несколько тетрадок:

— Что это за ерунда на постном масле... Рахманинов, Гречанинов, Глинка, Даргомыжский, Бородин, постное масло и постное масло!.. Поверьте, что для раненых «Пупсик» гораздо полезнее всех этих Гречаниных и Рахманиных. Вот приходите сюда завтра, вице-президент Кружка Дам милосердия, m-me Шварц и я, мы танцуем танго между кроватями раненых... Действительный член кружка m-me Фриде исполнить «Пупсика», а m-me Петерс «Тихо качайтесь, качели»... Вот это поднимает дух солдатиков... А этих Гречаниных и Рахманиных исполняйте перед гурманами... Во-

обще, я добыюсь, добыюсь, добыюсь, чтобы никому, кроме дам нашего кружка, не было позволено развлекать раненых... При моих связях я добыюсь, чтобы непрошенных развлекательниц отсюда убрали...

— Молчать! — гневно крикнул Кукарников. — Вас я вижу в первый раз! По фамилии вы немка, а по приемам — хамка... Если вы не извинитесь немедленно перед г-жой Завьяловой, вы будете иметь дело непосредственно со мной...

— Молчать! — взбеленилась Зенгер. — Всякий студентиска смеет на меня кричать!.. Да вы знаете ли, что я при моих связях могу вас выслать из Петрограда в 24 часа!..

— Не знаю и знать не хочу! Я требую, чтобы вы немедленно попросили прощенья у m-elle Завьяловой, и я думаю, что все раненые и сестры милосердия присоединятся...

Вера схватила Кукарникова за рукав.

— Дмитрий Иванович, перестаньте... Замолчите... Здесь не место и не время ссориться...

— Я покажу этой немке и хамке ее место!..

Людмила позеленела от запальчивости и раздражения.

— Телефон! Где у вас телефон!.. Я... я... я...

— Тьфу! — пробормотал Сидорчук, — и чего этой востронозой от нас надо!

— Провалилась бы она, а мы бы еще барышню послушали...

— Немка и есть... Я на немок насмотрелся... Не любят ее в лазарете, кривляется, кривляется. А то еще начнет душу выматывать, где да кто, да как сражался, да где какой полк сейчас стоит, да куда письма адресовать, да... Чистый следователь...

ХП

ДЕЛОВАЯ БАРЫШНЯ

Людмила Зенгер не ожидала, что в лазарете никто не поддержит ее.

В этом споре со студентом хоть бы один голос принял ее сторону.

Напротив, Вера Егоровна Завьялова окружена и сестрами, и ранеными, просят не обращать внимания на слова взбалмошной немки и спеть еще что-нибудь.

И в то время, как Людмила возилась у телефона, раздался демонстративный прекрасный голос Веры.

Вера готовилась к сцене, но Борис и Кукарников ей советовали подумать об эстраде.

Вера долго не решалась, но все-таки попробовала на лазаретах свои силы.

Успех превзошел ожидания: сестры милосердия каждый день слышат певцов, — артисты, честь им и слава, не забывают раненых, — но такого трогательного впечатления, как эти безыскусственные русские романсы, не производило ничто.

А Людмила в это время упивалась телефоном.

Она уже звонила шляпнице на Троицкой, занимавшейся политическим сводничеством, и узнала от нее, что рыженькая Каролиночка пришлась очень по вкусу тому сенатору, который нужен Людмиле, сенатор скоро будет обработан.

Она уже звонила Таубе и спрашивала, нет ли вестей от кузиночки (под кузиночкой у них разумелась Берта), — «с тех пор, как Берта уехала в Варшаву, — врал великий гипнотизер, — от нее никаких известий».

Людмила предупредила, что намерена привезти к нему г-жу Гроссмихель, чтобы излечить ее от мрачной меланхолии.

Людмила позвонила и к Марье Николаевне.

Та радостно объявила, что на послезавтра ей обещано свидание с мужем.

— Вот и прекрасно. А завтра я вас везу в радиотелепатический институт. Вы должны встретиться с мужем бодрой...

Людмила звонила в две-три редакции, — нет ли сенсационных новостей, из которых можно было бы состряпать условную телеграмму в Стокгольм (приходится работать через Швецию).

Людмила сама прониклась уважением к своей деловитости.

Как вдруг вспомнила обиду, нанесенную ей студентом.

— Надо завтра же разделать его в газетах.

И решила сейчас же объехать редакции.

Деловая барышня.

ХШ

ЯСТРЕБ С ГОЛУБИНОЙ ФАМИЛИЕЙ

Бархатная тюрьма, в которую Таубе заточил Берту, оказалась несносной.

Берта чувствовала на себе все время глаза гипнотизера и боялась заснуть.

Она знала, что если заснет, пропало все: Таубе поработит ее, быть может, на всю жизнь, а вероятнее, до тех пор, пока не удовлетворит свою внезапно вспыхнувшую животную страсть.

Она чувствовала, что гипнотизер напрягает всю силу воли, всю энергию глаз, чтобы сломить ее упорство.

Чтобы отогнать неестественную сонливость, Берта отчаянно жестикулировала и кричала, старалась казаться взбешенной.

— Вот негодяй!.. У меня на руках Бюро по найму немецкой прислуги! У меня на руках Institut de beauté* на Троицкой! У меня на руках Кружок Дам милосердия с этой неистовой Людмилой, которая без моего руководства натворит таких глупостей, что и в три года не расхлебашь! У меня на руках контора кредитоспособности! У меня на руках Бюро вырезок!.. У меня на руках нити от агентов, разбросанных по всему Петрограду! Ведь город кишит пчелами, собирающими мед шпионажа!.. Куда они снесут его!.. Ведь в моих руках важнейшие инструкции, только что полученные из Берлина! Ведь в моих руках важнейшие государственные тайны!.. И этот негодяй осмелился задержать меня, чтобы разыгрывать передо мной сцены из плохой мелодрамы!.. Что это за Свенгали выискался, который желает превратить меня в Трильби!..** И этого человека мы считали достойным доверия! И ему мы поручали выпытывать важнейшие тайны у сановников и чиновников!.. И в какую минуту у него поднялась рука для того, чтобы изменить своему отечеству ради удовлетворения гнусной, мелочной страстишки!..

. Господин Таубе, которого мы считали мужем воли, разума и патриотизма, влюбился в Берту Берс!.. Поздравляю господина Таубе, у него недурен вкус! Все говорят, что Берта Берс очаровательна! Но и все знают, что Берта Берс — кремень! Она знает, что сейчас не время за-

* Институт красоты (фр.).

** Свенгали — герой романа английского писателя Джорджа дю Морье «Трильби» (1895), который с помощью гипноза соблазняет и эксплуатирует молоденькую девицу Трильби, превращая ее в знаменитую певицу (Прим. изд.).

ниматься амурными делишками! Отечество в опасности! А Берта Берс прежде всего патриотка! И после всего патриотка! Она забыла, что она женщина! И забывала об этом всегда и тогда, когда первые сановники мира лебезили у ее ног!.. Я не невинность! Не тешь себя, негодяй Таубе, что ты полакомишься гастрономическим медом! Я продавала свои ласки, но каждый раз с пользой для отечества!.. Каждое мое объятие душило кого-нибудь и, отдаваясь какому-нибудь сановному сластолюбцу, я твердила в душе: «Deutschland, Deutschland über alles!..» И сейчас кричу тебе, негодяю, в лицо: «Deutschland, Deutschland über alles!» Превыше всего, негодяй... Усыпить меня хочет!.. Да разве до сна теперь, когда надо все силы, всю бодрость напрячь! Ведь надо спасать нашу агентуру! Ведь наших выселяют из Петрограда! Ведь злейший враг не выбрал бы момента удачнее, чтобы разрушить все наше дело... Ха-ха-ха... Он глядит на меня своими ястребиными глазами... Он хочет своим взором потупить мой взор!.. Посмотрим, чей взгляд острее...

Чувствовала, что вот-вот он осилит, и она подается, сомкнутся веки, и все пропало.

И вдруг гениальная мысль вспыхнула.

XIV

ГЕНИАЛЬНЫЙ ХОД

Она схватила себя руками за воротник платья и с треском разорвала лиф.

В бархате полутьмы сверкнули белоснежной обнаженностью плечи, руки нагие и грудь с ее гордым вызовом.

— Ты раздеваешь меня своим взором, негодяй, насильник!.. Я тебе помогла!.. На, смотри, любуйся, впивайся, дьявол, в наготу моего тела!.. Я не боюсь тебя! Не стыжусь тебя! Потому что пре-зи-ра-ю тебя! — отчеканила Берта!

И сразу поняла, что ее игра выиграна.

Таубе, действительно, свел глаза с ее глаз и впился в сверкающий восторг ее нагого бюста.

И пьяный восторг охватил его.

И голова закружилась.

И в глазах помутилось.

И жгучая страсть ослепила волю.

А Берта ликовала всем телом и всем духом:

— Ну что же, входи сюда, мой Свенгали! Трильби не боится тебя!.. Если бы у нее был хлыст, так ей было бы жаль хлыста, чтобы ударить негодяя... Ну что же, входи, мой повелитель! Раба рабынь ждет тебя!.. Ха-ха-ха!..

Таубе нажал кнопку, распахнулась потайная дверь, и он очутился в бархатной комнате.

Дверь беззвучно закрылась за ним, снова не давая и намека на свое существование.

Берта крикнула:

— На колени!

Таубе упал на колени.

— Ползай у моих ног!

Он прильнул губами к замше ее туфли и ползал у ног. И молил прощенья

И рыдал как мальчик.

— Разве я не понимаю, в какую бездну падаю я!.. Но разве я виноват, что полюбил тебя так, роковая богиня!.. Ведь никогда ни одна воля не стояла надо мной!.. И вдруг явилась ты, такая непохожая ни на кого из этих безвольных, бессильных пресмыкающихся!

— Мы должны были померяться силами!..

— И ты вызвал меня на дуэль!..

— На дуэль глаз!

— На дуэль волю.

— И вот побежденный пресмыкается в прахе...

— Ты видишь, как бесстрашна Берта Берс.

— О!..

— Ты знаешь, что я там, под самой крышей цирка, прыгала без колебания и замирания сердца в еле держащийся деревянный сундук... Крышка сундука была приоткрыта...

Я должна была ловко вскочить, чтобы под тяжестью моего тела сразу затянулись незатянутые петли каната, на котором висел сундук... Петли затягивали наглухо крышку, в крышке автоматически щелкал замок, и я оказывалась привешенной в моем гробу под потолком!.. А если бы я дрогнула и вместо того, чтобы попасть головой под крышку сундука, попала на два вершка выше, — в петлю!.. Сундук бы упал на арену, а под потолком цирка с петлей на шее качался бы труп Берты Берс в огненно-красном бальном платье!.. Вот какую школу прошла Берта Берс! Ей ли бояться доморощенных Свенгали, годных разве для того, чтобы усыплять и без того сонливых старикашек.

— Берта! Берта!..

— Тебе больно? Тебе стыдно, побежденный?!

— Мне сладко!.. Мне радостно!..

— Ну, клянись теперь мне в верности, раб мой...

— Раб твой! Навеки раб твой!..

XV

ЖЕНА ОДНОГО ИЗ ВИДНЕЙШИХ АГЕНТОВ

Таубе принял Марью Николаевну с живейшим интересом.

Людмила нататорила ему про нее с три короба.

Сила шпионажа в том, что отдельные агенты не знают друг друга.

Берта знала только тех, кто обращался вокруг Гроссмихеля, как вокруг солнца.

А сколько таких солнц, как Гроссмихель, еще изливало золотые лучи прусского и австрийского генеральных штабов вне поля зрения Фридриха и Берты.

Отдельные же учреждения, созданные по мысли Гроссмихеля, и не подозревали о существовании друг друга.

Когда руководители их собрались под невидимым и негласным председательством Берты в институт Таубе, впервые для них открылась во всем величии картина шпионажа с его системой всеобъемлющей, всепроникающей. И все-таки это заседание было объявлено экстра-секретным; представители лично между собой не перезнакомились, так как были в масках. Кроме того, они поклялись в тайне хранить даже от подчиненных и сотрудников все постановления экстренного собрания.

То, что нататорила Людмила про фрау Гроссмихель, дало Таубе понять, что она жена одного из виднейших агентов политического сыска, но он и не подозревал, что это жена его непосредственного начальства.

Берта через замаскированное цветами потайное окошечко наблюдала за посетителями, являвшимися в приемную.

Увидав Марью Николаевну и Людмилу, она с удовольствием подумала: «Молодец Зенгер! Надо немедленно жену Фридриха превратить из опасного врага в верного друга. Пусть Таубе назначит ей второе свидание сегодня же в полночь, я на ней повторю уже испытанный прием. Я лично возьмусь за нее, потому что есть вещи, которых Таубе не должен знать, хотя теперь он и верный раб мой...»

Перед тем, как принять Марью Николаевну, гипнотизер получил подробнейшие внушения со стороны Берты.

Берта знала всю жизнь жены Фридриха с такими подробностями, о которых Марья Николаевна сама позабыла.

XVI

ЖИЗНЬ НА ЛАХТЕ

Таубе сразу ошеломил несчастную женщину:

— Садитесь, сударыня! По вашим глазам вижу, что ваше дело исключительной трудности, но с Божьей помощью

и, конечно при вашем внимательном отношении к моим словам, я надеюсь достичь полного исцеления вашего духа. Вы потеряли мужа, он жив, но умер для вас. Надо, чтобы он воскрес и для вас. Но для успеха нашего дела мне надо иметь уверенность, что вы не считаете меня за одного из тех шарлатанов, которых у вас в Петрограде развелось много. Тут же, на Каменноостровском шоссе, поселился шарлатан, у него четыре помощника; он лечит от полноты и старости. Внушить человеку перерождение клеток его тела нельзя. Можно только переродить психику. И вот этим занимаюсь я. Вы должны слепо уверовать в меня, в мою силу, в мое могущество, в то, что, что бы я ни сказал вам, это необходимо для дела. Но как вам вселить веру в человека, которого вы видите в первый раз? Поверите ли вы в его силу и добросовестность, если я, глядя вам в глаза, прежде чем прочесть ваше будущее, прочту ваше прошлое?

И Таубе начал рассказывать жизнь Марьи Николаевны с институтской скамьи. Года три тому назад, уложив детишек спать и радуясь, что она не одна, Марья Николаевна делилась воспоминаниями со своей хорошенькой и внимательной гувернанткой.

Так уютно было, так радостно...

Могла ли она подумать, что пригреет на груди змею!..

«...Вы жили на Лахте, на даче. Вы были центром внимания дачной молодежи, почти сплошь немецкой. За вами ухаживали все члены Яхт-Клуба. В особенности один блондин, который вам сделал предложение. Вы ему ответили отказом. Просили подождать. Шли бесконечные лаун-теннисы, крокеты, прогулки по морю, вашим вечным кавалером был этот блондин...»

Лахтинская жизнь со всеми ее подробностями воскресла в памяти Марьи Николаевны. В восьми верстах от России и уже настоящая Германия.

Русского языка здесь не слышно. К «русским свинствам» отношение самое ироническое.

Под видом спорта тут процветает шпионаж.

.

И это под носом у Кронштадта, Петергофа, Ораниен-
баума, Сестрорецка.
.

Лучших лагерей для шпионов, чем Лахта, не мог бы
придумать сам Германский генеральный штаб.

Но Мария Николаевна не чувствовала этого, не созна-
вала этого, даже сердилась, когда некоторые русские зна-
комые, шутя, изумлялись: «Как можете жить вы в этой
шпионии?» Марье Николаевне, такой молодой и жизнера-
достной, было весело, и это все.

«...Но вот в одно прекрасное утро на вокзале появился
господин, которому суждено было сыграть такую важную
роль в вашей жизни... Вы помните, вас познакомил с ним
ваш полужених... Вы помните, как сразу вы начали пред-
почитать во всем вашего нового знакомого?.. Вы помните,
как ревновал, как мучился несчастный юноша?.. Вы пом-
ните безумную сцену, которую устроил вам на музыке в
Сестрорецке ваш влюбленный... Вы молча уехали с своим
новым другом... На другой день вашего полужениха нашли
в море... Он утонул, катаясь ночью на яхте... А может быть,
ему было не до катанья в ту ночь? А через месяц вы стали
невестой другого...»

Марья Николаевна вспомнила, как очаровал тогда ее
Фридрих.

Он приехал из Германии, похоронив отца и унаследо-
вав от него приличный капитал. В России он хотел по-
искать применение своим способностям и своим деньгам.

Он уже немного владел русским языком, на столько, на
сколько позволяло частное училище русского языка, окон-
ченное им в Берлине.

Он искал учительницу русского языка, и Марья Нико-
лаевна сама напросилась давать ему уроки.

Ах, каким толковым и остроумным учеником оказался
Фридрих!

Они читали вместе классиков. «Горе от ума» Фридрих
заучил чуть ли не целиком наизусть.

С каким чувством читал он собственную переделку «Французика из Бордо»:

Берлинец Гроссмихель, надсаживая грудь,
Собрал вокруг себя род веча
И скаэывал, как снаряжался в путь
В Россию, к варварам, со страхом и слезами...
Приехал и нашел, что ласкам нет конца,
Ни звука русского, ни русского лица
На Лахте. Будто бы в отечестве с друзьями...
Своя провинция. — Посмотришь вечерком,
Он чувствует себя здесь маленьким царьком!
Такой же толк у дам, такие же наряды...

Как кстати он всегда цитировал прочитанное! Марья Николаевна раньше влюбилась в его ум и характер, о, каким джентльменом держался он, играя в лаун-теннис — в игре человек выказывается, — а затем уже во внешности.

Он очаровал всех, — папу, маму, сестер.

«...Вы помните вашу брачную поездку за границу... Вы помните, как в Монте-Карло ваш муж проиграл все свое состояние. Вам пришлось телеграфом выписывать деньги от ваших родителей... Помните, как вы добрались до Берлина и как гордо голодали: было стыдно просить денег из Петербурга».

Прошло немало недель, пока Фридрих нашел свою бабушку. Бабушка сперва была очень взбешена, что Фридрих женился на русской.

Даже не пожелала видеть жены внука.

Но денег она все-таки дала, и молодые выбрались в Петроград. Здесь Фридрих попал в клуб — отыгаться. Отыгрался. И пристрастился к игре так, что все ночи стал проводить в клубе.

XVII

СПИТЕ!..

.
Марья Николаевна с душевной тревогой слушала вкрадчивый бархатный голос, сидя в бархатном кресле бархатной комнаты, в которой еще только сегодня утром Берта выиграла дьявольскую игру: сила женской красоты победила силу гипнотизма.

Марья Николаевна никогда не поверила бы, что возможно читать в глазах женщины, как читает этот волшебник.

— Теперь вы верите мне!..

— Я поражена! Как можно не верить! Я молю вас, спасите, спасите мужа! Я покоя не нахожу!.. Мой муж... мой обожаемый муж... оказался...

Марья Николаевна не могла выговорить слова.

—

.
— Я не могу! Не могу простить себе, ему... Ведь он предавал мою родину!.. Отечество своих детей!.. Ведь мой Волья... рыдает... напролет... Ведь дитя, когда узнал, что он <сын> немца!.. Научите меня, что мне делать!.. Я люблю мужа... и презираю его... Я гадка сама себе... И кроме того... и главное... да-да — презирайте меня, но я считаю для себя это главным, ведь Фридрих изменял не только моей родине, но и мне, как жене, мне, как матери его детей, мне, как женщине... О, если бы я могла плеснуть кислотой в глаза этой дьяволице!.. Спасите меня!.. Я не нахожу покоя ни днем, ни ночью, зная, что он томится в тюрьме, а она, избежав наказания, похрает на свободе!..

— Марья Николаевна, спите!.. Смотрите мне в глаза!.. Спите, Марья Николаевна. У вас тяжелые веки!.. Вот вы закрываете глаза. Дыхание становится глубоким... Пульс

ровным... Спите... Спите... А когда проснетесь, будете чувствовать себя легко, забудете об обиде, нанесенной вам вашей соперницей, по отношению к мужу будете питать чувство любви и уважения... Сегодня же, ровно в полночь вы будете снова у меня... Теперь проснитесь...

Марья Николаевна раскрыла глаза, виновато улыбнулась:

— Я, кажется, вздремнула! Ха-ха-ха!.. Что это со мной случилось?..

— Как вы себя чувствуете?

— Сон освежил меня, и я чувствую себя прекрасно!.. Да и как же иначе?!..

XVIII

ЖИВОЙ ПРИЗРАК

Старинные часы пробили полночь. Марья Николаевна сидела уже в кресле бархатной комнаты.

Таубе продолжал бархатным голосом свой рассказ о жизни своей пациентки.

— Теперь вы верите мне!.. Слушайте, слушайте и ничему не удивляйтесь... Теперь с вами будет говорить другой... Я вызову ту, которая отсутствует и, отсутствуя, страдает и, страдая, хочет облегчить свою душу... Не удивляйтесь тому, что вы увидите... Заклинаю вас сидеть спокойно и внимать так же, как внимали вы моим словам... Одно ваше неловкое движение, и чары рассеются...

На мгновение в полную тьму погрузилась комната.

Раздался звук тамтама, и снова вспыхнули фиолетовые лампочки.

На том месте, где только что стоял Таубе, появилась Берта.

В черном платье с повязкой «Красного Креста» на руке. Стройная и строгая, прекраснее, чем когда-либо.

— Берта...

— Фрау Мария!

— Разве вы еще не уехали?..

— Я в Польше на поле брани... Но дух мой здесь... Душа моя в тоске смертельной... Она больна и за Фридриха, и за тебя, фрау Мария, и за детей твоих...

— Берта!..

— Внимай, внимай словам духа моего и не прерывай речи моей, ибо недолго мне суждено быть с тобою... Слушай, фрау Мария... Я уже спасла Фридриха от петли... Теперь спасу его от тюрьмы... Верь мне, Мария, и люби меня!.. Твой муж чист перед тобой... Нас связывала с ним любовь к родине, нас спаивало общее дело жгуче-опасное, мы любили друг друга, как брат и сестра... Телом он остался верен тебе... Ты должна пожертвовать собой, чтобы спасти этого великого человека... Он чист перед тобой, но чист он и перед твоим отечеством...

— Он не шпион! — радостно воскликнула Марья Николаевна.

— Он чист перед твоим новым отечеством! — отчеканила Берта. — С тех пор, как Фридрих твой муж, твое отечество — Германия...

— Но Фридрих поклялся мне, что это только формальность... Он дал слово принять русское подданство, и тогда я снова по мужу сделалась бы русской подданной...

— Но сейчас ты германская подданная и должна гордиться таким мужем, как Фридрих...

— Но я мать русских детей...

— Когда дети вырастут, они поймут, что их мать была героиней!..

— Нет, нет... дети будут презирать меня, если узнают, что я пошла против родины...

— Но еще больше будут презирать тебя, если узнают, что ты могла спасти их отца и не захотела...

— Я могу спасти Фридриха!

— И можешь, и должна!

— Клянусь тебе, что я спасу его!

— Клянись головой своей!..

— Клянусь моей головой!..

— Клянись головою детей!..

— Клянусь головою моего сына Владимира и дочери Елизаветы, что я спасу их отца какой бы ценой не стало... Жизнь без него для меня невысказана... Я уже и так задумываюсь о смерти...

— Фрау Мария, задумывайся о жизни и беспрекословно, слепо повинуйся мне. И ты будешь счастлива. Ты видишь перед собой мой дух, вызванный гипнотизером. Телом я сейчас в госпитале. Перевязываю раненых. Уже полночь. Целый день с утра подвозили несчастных. Целый день без усталости обмывала я им раны. Русские дерутся жестоко! Мы не ожидали такого серьезного отпора, и сестер у нас и лазаретов меньше, чем надо. Ну как помочь! Раненых везут, везут... Вот внесли несчастного, у которого оторваны обе ноги... Вот на носилках другой со сплошным кровавым блином вместо лица... Вот еще, еще ужаснее... Мое тело с ними... А дух с тобой... Слепо повинуйся мне; ты видишь, что теперь мое счастье не в личной жизни. Если бы я даже и имела какие-нибудь права на Фридриха, я все равно отказалась бы от них, так как теперь мне не до личной жизни... Но Фридриха мы должны спасти, потому что это гениальный человек. Он должен быть счастлив и будет счастлив с тобой... Только слепо исполняй мои приказания... Завтра же возьми с собой на свидание с мужем Таубе... С Фридрихом видаться ему не позволят, но он познакомится с персоналом тюрьмы и...

Бум ку-ку!..

Часы пробили половину первого.

В комнате погасли огни.

А когда они через мгновение вспыхнули, на месте Берты стоял какой-то почтенный седовласый мужчина профессорской наружности и, поглаживая широкую окладистую бороду, как ни в чем не бывало, бархатным баритоновым гипнотизера Таубе продолжал речь Берты:

... — И это знакомство даст возможность принять тот или иной план. В котором часу вам назначено свидание с мужем...

— От 12 до 2-х...

— Ровно в одиннадцать я буду у вас. Зовите меня профессором... Я Иван Иванович Кебецкий... Впрочем, завтра успеем условиться обо всем. Теперь же вам пора домой...

Ловким движением Таубе сорвал парик и бороду.

— Как в кинематографе! — подумала Мария Николаевна.

— Как в кинематографе! — словно читая ее мысль, повторил Таубе.

ХІХ

ПРОФЕССОР КЕБЕЦКИЙ

Помощник начальника тюрьмы очень подозрительно посмотрел на спутника Марии Николаевны.

Он не любил, чтобы даже в контору входили посторонние лица.

Но когда Мария Николаевна представила ему:

— Профессор Кебецкий. Разрешите профессору подождать в конторе. Он не оставляет меня ни на шаг, это мой тиран...

Бравый офицер почтительно приподнялся и, подавая посетителю руку, пробормотал:

— Конечно... Я так счастлив познакомиться с таким знаменитым ученым. И как это я сразу не узнал вас по портрету в «Ниве»... Не угодно ли вам пройти в мой кабинет... Здесь в общей комнате не так приятно...

— С удовольствием пройду к вам в кабинет, потому что, откровенно говоря, не желаю, чтобы завтра в газетах появилась заметка о том, что профессор Кебецкий побывал в

тюрьме... Вы не поверите, как тяжела и неприятна, подчас, популярность... Наш брат даже жене не может изменить, чтобы об этом не опубликовали в газетах...

Профессор вошел в кабинетик дежурного помощника, полыщенного простотой и даже оттенком симпатичной фамильярности, с которой держался знаменитый ученый, услугами которого пользуются даже высокопоставленные лица.

— Вы же разрешите мне, старику, говорить с вами попросту и действовать напрямик... Разрешите мне сопровождать г-жу Гроссмихель сюда инкогнито... На это я имею серьезные основания... Главное, что в судьбе этой прекрасной, но несчастной женщины принимает...

Профессор осмотрелся, не подслушивает ли его кто, и, хотя подслушивателей не было, все-таки нагнулся к уху офицера и шепнул ему такое громкое имя, от которого последний даже почтительно привскочил.

— Это мой пациент, и я дал ему слово, что не оставлю Марии Николаевны до тех пор, пока она совсем не оправится. После ареста мужа несчастная женщина впадает в какие-то странные продолжительные обмороки, от которых только мне удастся ее спасти... При мне она чувствует себя совсем молодцом... Затем, во-вторых, Мария Николаевна дочь профессора Мордванова — моего школьного товарища. Ему я тоже, как и князю, дал слово не покидать Марии Николаевны ни на минуту... Все это очень мило, но мне было бы очень неприятно, если бы моя фамилия в газетах где-нибудь была припутана к делу Гроссмихеля... Пусть князь уверяет, что дело это мыльный пузырь, что Гроссмихель арестован по какому-то недомыслию и будет на днях выпущен на свободу и, как германский подданный, выслан из Петрограда, у меня на этот предмет особый взгляд... Раз ты немец и во время войны находишься в Петрограде, значит, ты — шпион. А раз ты шпион, — повесить без рассуждений.

.
.
.

[illegible]

Помощник начальника почтительно и одобрительно рассмеялся.

— Вот именно: сперва повесить, а потом разговаривай...

— Я уверен... т. е. я не смею быть уверенным, раз князь уверен в противном... но все-таки... я не убежден в чистоте этого Гроссмихеля... и не хотел бы чем-нибудь содействовать облегчению его участи... Вы не знаете, в каком положении его дело?

— Слышал, что он сильно замаран... Найден ключ к его донесениям в главный германский штаб, которые он диктовал своему маленькому сыну...

— Негодяй!..

— Да, небывалый случай, чтобы отец совершал преступления руками своего невинного ребенка...

— Подлец!.. Я хотел бы, чтобы его немедленно вздернули... Ведь от него... позвольте узнать имя и отчество...

— Петр Петрович Вырубов...

— Ведь от него, Петръ Петрович, вся семья Мордвановых отвернулась уже давно... Марья Николаевна поссорилась из-за мужа даже с отцом... Николай Иванович, профессор Мордванов, прямейшей, честнейшей души человек, его иначе и не зовет, как шулер...

— Почему шулер?

— Да потому, что он живет, или делает вид, что живет, карточной игрой...

Капитан, которому карточный азарт был по душе, крикнул:

— Да, конечно... от карт не проживешь...

— Симуляция!

— Я вас не понял, профессор...

— Да Гроссмихель, говорю, симулянт... Симулируют обыкновенно больного, а он симулирует шулера... Редкий вид симуляции: прикидывается шулером, чтобы скрыть шпиона!.. Повесить! Повесить такого! Недаром вся семья от него отвернулась. Не понимаю, почему так князь распинается за него... Он видел его два-три раза, и Гроссмихель его очаровал... Чем? Скажите, в самом деле он так интересен?

— Гроссмихель держится в тюрьме джентльменом. На допросе тоже своими манерами выдает большого аристократа...

— Ну, во всяком случае, я не хотел бы с ним видаться... Вообще, повторяю, мне так противно, что я попал в эту грязную историю, и я прошу вас и надеюсь... что вы поймете меня... чтобы кроме вас никто не знал, что я бываю здесь... Я так рад, что среди тюремного начальства нахожу такого интеллигентного и симпатичного по взглядам человека... Будьте уверены, что при первом же свидании с князем постараюсь аттестовать вас так, как вы этого заслуживаете...

Капитан почтительно привстал.

XX

УСЛУГА ЗА УСЛУГУ

.....
..... Будьте уверены, что моя рекомендация не пройдет для вас бесследно... Князь милейшая русская натура... Пускай мы с ним разных убеждений: он чересчур оптимист... а я ему доказываю, что Петроград нашигрован немецкими шпионами... Но все же мое слово для него значит многое...

— Профессор, ваш авторитет... я польщен...

— Но... услуга за услугу. Я от вас тоже попрошу любезности, которая вас не затруднит...

— Все, что в моей власти...

— Надеюсь, в вашей власти назначать свидание г-же Гроссмихель с мужем только в дни ваших дежурств. Вы понимаете... с другими я не хотел бы быть столь же откровенным, как с вами... Во-вторых, нельзя ли свидания эти назначать как можно позже... У меня такое дорогое время и приходится его терять, потому что я связан словом князю и профессору Мордванову... Ах, да... А главная моя просьба, это — скорее повесьте Гроссмихеля и развяжите мне руки... Я уверен, что он — шпион!..

Капитан Вырубов очарован профессором Кебецким.

Бывает же такое изумительное сочетание учености и простоты!»

Само Провидение послало профессора капитану Вырубову.

.
.
.
.

Почему бы, в самом деле, профессору не посмотреть, что с Наташей?.. Такой маг и волшебник по части диагноза сразу сможет поднять ее на ноги.

Приглашать профессоров к себе на дом не по карману капитану Вырубову.

Но по знакомству мало ли что делается. Надо только заслужить расположение. О, за этим дело не станет: конечно, повесить Гроссмихеля не во власти капитана, но зато исполнение других просьб профессора — такой пустяк.

Конечно, он примет все меры для хранения полного инкогнито.

Конечно, он будет назначать свидание Гроссмихелю только в свое дежурство.

И сможет, даже на личную ответственность, давать свидание жене с мужем от 6 до 7 часов вечера, в камере, без свидетелей...

Только бы профессор посмотрел, что с Наташей.

А с Наташей очень неладно. Никто не может разгадать причины ее адских головных болей, от которых она стонет целыми ночами.

Но как пригласить профессора, который привык посещать высокопоставленные салоны, в комнатку Наташи.

Если бы она была женой капитана, но она... только экономка.

Капитан женат, его жена может на днях вернуться из Рязани, где она гостит у родителей.

Вернется и прогонит Наташу, — куда ей — прислуга с вечными головными болями!

А для капитана Наташа больше чем прислуга.

За эти полтора месяца так много радости познал Петр Петрович через Наташу...

Может быть, и хворает она через него, разве поймешь женщину? Нам, мужчинам, все шуточки, а женский организм такая сложная штука, что в ней сам черт ногу сломит.

— Милая, милая Наташа... Потерпи до вторника... Я к тебе привезу самого профессора Кебецкого... Это, девочка моя, такой знаменитый доктор, что чуть взглянет, все как рукой снимет...

— Потерплю, мой милый! — печально сказала Наташа, обняв его голову. — Потерплю... Только в излечение не верю. Смерть меня излечит...

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ХИЩНИКИ РАЗЛЕТЕЛИСЬ

В ЧАДУ ЧЕРНЫХ ЧАР

.
Марья Николаевна вернулась домой возбужденной после свидания.

Правда, на свидании присутствовал все время жандарм, так что не удалось перекинуться ни одним серьезным замечанием. Но все-таки она в восторге от свидания.

Муж выглядит молодцом.

На свое заключение смотрит, как на какое-то обидное недоразумение: не завтра-послезавтра его, конечно, выпустят.

Беспокоит его и мысль, что германских подданных выселят и, следовательно, ему с женой придется уехать или за границу, или в провинциальную глушь.

Фридрих и тут, щадя чувства жены и будучи всей душой привязан к милой России, конечно, предпочтет какое угодно русское захолустье переселению в Германию.

Марья Николаевна рада, что все это слышал жандармский офицер, присутствовавший на свидании, пусть они посмотрят, какую напраслину возвели на ее мужа!

Марья Николаевна увидела искреннюю радость в глазах Фридриха, — о, нет никакого сомнения, что он ее любит, — ее и только ее. С Бертой у них было общее дело, а любит он только ее...

«Общее дело!..» — Марья Николаевна вздрогнула. — «Какое общее дело?..»

Ведь только что Фридрих доказывал, что его держат по недоразумению.

Впрочем, это говорилось при жандарме...

Так, значит, Фридрих действительно шпион! Но мысль эта не казалась Марье Николаевне более ужасной, гипноз действовал.

В странное оцепенение поставил ее вопрос Воли:

— Ну что, мамочка, видела папу?.. Он все еще у нас в плену?

Марья Николаевна посмотрела на сына изумленными, непонимающими глазами.

— А он в каске, мамочка?

— Почему в каске?

— Я в «Огоньке» видел пленных немцев... Они в касках...

— Нет, сынок.. Он не военный и в своем платье... Тебе жалко папу?

— Очень жалко... И себя жалко...

— Почему себя жалко?..

— Почему я сын немца... ведь ты, мама, русская... Ах, как глупо со стороны папы, что он не сделался русским...

— Кто же знал, что будет война... И папа не знал...

— Да ведь папа знает все!..

Марья Николаевна вздрогнула.

— А Карла тоже видела?

— Нет, Карла не видала.

— И Берту видела?..

Марья Николаевна с раздражением вскочила:

— Что тебе вспомнилась она?

— Да ведь она тоже была немка!..

Вдруг раздражение уступило место странной апатии, и сонным голосом она прошептала:

— Нет, фрейлейн Берты я в тюрьме не видала.

Марья Николаевна глубоко зевнула и сладко потянулась.

— Мамочка, а зачем Вильгельм все хвалится?.. Сказал, что будет обедать в Париже, а сам... Да ты спишь, мамочка!

Само упоминание имени Берты нагнало на нее глубокий сон...

II

В КОГТЯХ ХИЩНИКОВ

.

В полночь Марья Николаевна уже сидела в бархатном кабинетике Таубе и докладывала во всех подробностях сцену свидания с мужем Берте.

Берта слушала с горящими щеками и хищным взглядом.

Когда Марья Николаевна в простоте душевной заявила, что успокоилась, как жена и любящая женщина, так как Фридрих был проникнут такой светлой радостью, при встрече выказал столько неподдельного чувства, Берту передернуло.

— Подожди, красавица! — подумала она. — Сейчас ты нам нужна, чтобы освободить из тюрьмы своего мужа Фридриха.

А когда освободим его, покажем, кого и как любит Фридрих!

Марья Николаевна не замечала переживаний Берты.

Берта же видела, что все идет, как по маслу.

Роль профессора Кебецкого, очевидно, блестяще удалась Таубе, а появление на горизонте Наташи, о которой она еще ничего не знала, являлось крупным шансом на успех.

С помощью этой Наташи, излечить невралгию которой для Таубе плевое дело, профессор Кебецкий окончательно поработочает капитана Вырубова, и без того покоренного и загипнотизированного любезностью знаменитого ученого.

План освобождения Фридриха рисовался Берте ясно, прямолинейно, безусловно.

Но исполнение его требовало времени.

Терять же время тоже немислимо, потому что, по сведениям Берты, обвинительный материал против Фридриха рос не по дням, а по часам.

В военное время шутки плохи, а Лисий Нос* так близко!

Уже со следующего раза часы свидания Марии Николаевны с мужем передвинут, — это облегчало исполнение замысла.

Беседуя с Бертой, г-жа Гроссмихель была уверена, что находится во власти чар гипнотизера и слышит голос вызванного им видения.

Но вместе с тем, воля этого видения для нее была законом.

Несчастливая женщина не отдавала себе отчета, где начинается быль, где гипнотическая сказка.

Днем она часто беспричинно вздрагивала, улыбалась чему-то, с девяти часов, уложив спать тоже изнервничавшего Волю, начала готовиться идти — «туда».

Образ Берты приобрел для нее притягательную силу.

Напротив, к свиданиям с мужем она стала относиться равнодушнее, автоматичнее.

III

НАТАША

Когда капитан Вырубов и профессор остались одни, первый, откашлявшись нервным кашлем смущения, сказал:

— Вам, профессор, вероятно, надоели больные.

— Почему вы так думаете?

— Потому что уж очень много желающих лечиться именно у вас.

— Я себе беру только интересные случаи, а обыкновенных больных передаю ассистентам.

Капитан грустно вздохнул.

* Мыс и поселок на северном берегу Финского залива, в описываемое время место казней (*Прим. изд.*).

- Что с вами?
— Так, ничего...
— У вас кто-нибудь болен?

Капитан прошептал:

— Нет... то есть, да... Собственно говоря, она мне не жена, но... извините, профессор, за откровенность, дороже жены... дороже жизни... Я, можете себе представить, места не нахожу, когда думаю, что Наташа страдает...

— Покажите мне Наташу... Вы ее можете привести сюда...

— О, профессор, я так счастлив... Я могу ей сказать по телефону... Как мою прислугу ее пропускают беспрепятственно...

Через пять минут в кабинет капитана вошла, закутанная в пеструю шаль, высокая, стройная девушка, слишком высокая, чтобы нравиться всем.

Но есть категория мужчин, преимущественно обиженных ростом, как капитан Вырубов, которая без ума от таких «возвышенных натур».

Впрочем, личико Наташи и в особенности ее глаза были очаровательны.

Видно, как измучила ее болезнь.

— Здравствуйте, Наташа! — просто сказал профессор, взяв ее за руку. — Поглядите мне в глаза... Будемте друзьями... Вы страдаете бессонницей?... У вас болит вот эта половина головы... Ну, милый капитан, не найдется ли у вас какой-нибудь камеры одиночного заключения, где бы Наташа могла раздеться... Здесь нам помешают... Да и барышня себя будет плохо чувствовать в вашем присутствии. Мы, а в особенности такие старики, как я, не стесняем дам, нас не считают за мужчин.

Камера нашлась — в том же коридоре, где давали свидания Гроссмихелям.

Наташа стыдливо сняла кофточку.

— Смотрите мне в глаза! Спите, Наташа! Когда вы проснетесь, вы будете себя чувствовать гораздо лучше. Ночь вы проведете спокойно, без боли. Все время вы будете испытывать сильное желание повторить сеанс со мной. Ког-

да у вас заболит голова, слегка постукивайте пальцем вот здесь у виска, и боль пройдет. Теперь проснитесь и забудьте, что спали.

Капитан не узнал своей Наташи, она такой ясной, милой улыбкою встретила его, как давно не встречала.

— Ну что? Тебе лучше...

— Мне так хорошо, что не знаю, как благодарить профессора.

— Только будьте паинькой, Наташа, хорошенько закутайте голову, главное не застудить... Не ленитесь ходить, когда я буду здесь на сеансе... Надо вам еще раз пять помассажировать сонную артерию... Хорошо бы волосы постричь как можно короче. Неприятно только, если жандармский офицер или надзиратель подумает, что я за вами ухаживаю...

— Глубокоуважаемый профессор, в следующий раз я свидание Гроссмихелей возьму на свою личную ответственность, разрешу его в половине седьмого и даже надзирателя займу, отвлеку от коридора.

— Посмотрите мне в глаза! Мне кажется, и у вас болит голова...

— Пустяки... Чуть-чуть, должно быть, простудился...

— Дайте руку... Закройте глаза... Вам легче, вам хорошо... Вы питаете полное доверие ко всем моим словам и поступкам... Вы мне, как врачу и человеку, без раздумья отдаете всю свою волю.

Наташа тщательно закутывалась в шаль и не слышала слов профессора.

— Теперь проснитесь. Что вы чувствуете?

— Профессор, вы — чародей... Мне так хорошо, что я готов расцеловать вашу руку. Наташа! Наташа! Благодарю профессора!

IV

ПЕРЕПОЛОХ

В тюрьме переполох.

Важнейший политический преступник, обличенный в организации целого ряда шпионских учреждений и не повешенный еще только потому, что прокуратура надеялась с помощью некоторых очных ставок добиться еще новых важных данных, словом, Фридрих Гроссмихель бежал из тюрьмы.

На его месте в его камере одиночного заключения оказалась экономка капитана Вырубова Наталия Иванова, переодетая в платье Гроссмихеля.

С несомненностью доказано, что капитан Вырубов участвовал в заговоре: он превышал власть, вопреки законам и традициям тюрьмы разрешал такому важному заключенному свидания в неуказанные часы и без жандарма.

Он вел продолжительные беседы с глазу на глаз с постоянным спутником жены заключенного Марии Гроссмихель, причем за последние три дня в беседах этих принимала участие и Наталия Иванова.

С ведома капитана Вырубова Наталия Иванова и таинственный посетитель уединились в свободную камеру в том же коридоре, где находилась и камера одиночного заключения Гроссмихеля.

Надзирателя Акаемова капитан Вырубов удалял из коридора под тем или иным, часто неискусно придуманным предлогом, а в последние дни уводил его лично, беседуя с ним на служебные и неслужебные темы.

Все делалось для того, чтобы незаметно Фридрих Гроссмихель и Наталия Иванова обменялись костюмами.

Затем капитан сам вывел Гроссмихеля, переодетого в женское платье и закутанного с головой в пеструю шаль.

Служитель Петров, стоявший у входных дверей, собственными глазами видел, как бережно поддерживал капи-

тан укутанную в шаль высокую женщину, словно она беременная. Перешагивая через порог, он сказал ей: «Смотри, не оступись. Это было бы ужасно в твоём положении». Петров знал, что капитан живет с высокой экономкой и не придавал особого значения словам и поступкам этой пары.

Марию Гроссмихель и ее спутника, которого капитан почтительно величал профессором, выпускал тот же Петров, как всегда помогая им одеться.

Ничего подозрительного в поведении их Петров не усмотрел.

И барыня и профессор были спокойны, шли не торопясь и, как всегда, дали на чай полтинник.

Надзиратель Акаемов после ухода Марии Гроссмихель несколько раз заглядывал в дверной глазок.

Заключенный сидел спиной к двери и читал. Он сидел неподвижно, так что Акаемов подумал, не заснул ли после приятностей свидания его поднадзорный.

Надзиратель Синицын, сменивший на ночь Акаевова, тоже был уверен, что Гроссмихель спит над книгой и не беспокоил его часа два. Политическим заключенным он разрешал пользоваться электрическим освещением до часа, иногда до двух.

Около двух Синицын вошел в камеру предупредить, что электричество сейчас будет потушено, и обомлел, увидав вместо Гроссмихеля неизвестного юношу.

Высокий рост, мужской костюм и коротко остриженные волосы придавали Наталье Ивановой юношеский вид.

Синицын хорошо знал в лицо любовницу капитана Вырубова, но тут не сразу признал ее.

Юноша сидел в глубоком сне. Синицын пробовал его разбудить, но он спросонья городил несуразную чушь и снова впадал в беспамятство.

КАПИТАН ВЫРУБОВ

Испуганный Синицын бросился в кабинет дежурного по тюрьме. Дежурным был капитан Вырубов, но в кабинете его не оказалось.

Синицын позвонил по телефону к нему на квартиру, никто не подошел на звонок.

Предчувствуя недоброе, Синицын поднял тревогу. Ясно было, что капитан у себя дома: в кабинете у него свет. Парадная дверь оказалась так слабо прихлопнутой, что французский замок даже не заперся.

Капитана нашли в кабинете спящим на диване. На попытки его разбудить он отзывался несвязным мычанием и блаженной улыбкой.

Кое-как, наконец, его растолкали. Он казался каким-то деревянным, не дающим себе отчета, не понимающим, где он.

На дворе, на морозе сон немножко разогнало.

— В чем дело?

— Так что неблагополучно. Арестант Гроссмихель ушел!

— Не может быть...

— Так точно.

— Чего же вы смотрели! Кто дежурный по тюрьме?

— Вы, вашбродь!

— Что ты врешь! Я был вчера!..

— Никак нет, ваше дежурство не кончилось...

Капитан глубоко зевнул.

— Ну, идем скорее!

В камере Гроссмихеля сон окончательно соскочил с капитана.

— Наташа, ты здесь!.. Что это за маскарад! Где Гроссмихель... Боже, какой ужас!

Наташа смотрела на него непонимающими глазами, этот взгляд не от мира сего испугал капитана.

— Наташа! Ты с ума сошла!.. Или я с ума схожу! Пустите, пустите меня!..

Капитан бросился по коридору с безумным криком: «Спасите! Спасите!»

В конце коридора остановился. Раздался выстрел.

И капитана не стало. Тайна бегства Гроссмихеля унесена в могилу.

VI

ПО ГОРЯЧИМ СЛЕДАМ

Из тюрьмы по телефону дали знать, куда следует, и в ту же ночь квартира Гроссмихелей на Шпалерной была окружена полицией.

Марью Николаевну нашли в ее будуаре.

Она спала, не раздеваясь, на диване.

Только шубку на лисьем меху сбросила подле дивана на пол.

Видимо, она едва добралась до дивана, так ей хотелось спать, и даже не подложила под голову подушки.

Галоши остались на ногах.

Горничная объяснила, что сегодня барыня приехала домой около десяти часов вечера и была какая-то странная.

На вопрос девушки повторяла только:

— Ах, оставьте меня в покое! Я хочу спать!.. Спать, спать!..

За последние дни, по словам горничной, с барыней было неладно: она слишком много спала, мало говорила, иногда без причины плакала или смеялась. В 11 часов ночи ежедневно уезжала и возвращалась во втором. Детьми почти не интересовалась. Через день ездила на свидание с барин-ном.

Разбудить барыню представлялось очень трудным делом. По телефону вызвали полицейского врача. Но и его ухищрения не помогали.

— Сон похож на летаргический или... гипнотический. Если искусственно прервать такой сон, можно сильно повредить спящей. Надо ждать, пока она сама не проснется...

— Ждать! Да ведь сейчас каждая секунда дорога! Несомненно, все нити преступления в ее руках! — воскликнул следователь. — А вы говорите, ждать!

— Если сейчас грубо разбудить, можно так повредить ее психику, что она все равно ничего не вспомнит, ничего не скажет... Она будет как сумасшедшая, если не сойдет на самом деле с ума!

— Я не могу ждать! Я должен идти по горячим следам... Будите! Я требую!..

Марья Николаевна странно улыбалась, что-то мычала, позевывала и снова засыпала, несмотря на все меры.

Даже не поморщилась, когда к носу ее поднесли флакон с нашатырным спиртом.

— Вот дурацкое положение! — горячился следователь.

— В первый раз мне приходится видеть, что преступники не скрываются, не бегут, а, напротив, лежат без движения...

Он подошел к телефону и соединился с тюрьмой:

— Удалось ли добиться чего-нибудь?

— Очевидно, настоящий преступник — не эта женщина...

— А кто же, по-вашему?!

— Тот, кто ее усыпил...

— Вы думаете, что дело не обошлось без гипнотизера?.. Что же это вы, в кинематографе драму вспомнили, или...

— Я вам повторяю совершенно серьезно: г-жа Гроссмихель загипнотизирована и, судя по словам горничной, уже больше недели находится под влиянием чьей-то чужой преступной воли.

— Пожалуй, вы правы. Тюремные надзиратели утверждают, что при ней всегда находился какой-то старик...

— Это и есть профессор черной и белой магии... Он и является сообщником Гроссмихеля по побегу.

— Но как же он не боится, что, проснувшись, его жертвы не выдадут его?..

— Он внушил им полное забвение всего происшедшего.

VII

МАСКАРАД

Последние три дня перед побегом Берта не теряла даром. Во-первых, она по мальчишески остригла свои дивные волосы и спрятала их под седым париком.

Чтобы привыкнуть к парик, она совсем не снимала его: даже умывалась и спала в нем. Парик действительно сидел идеально.

Идеально изучила она и грим старости. Интересная бледность и изящная худоба ее лица превращены были в желтизну и истощенность старости.

Она сделала черными, как у татарок, зубы, чтобы не выдали ее молодости и красоты их сверкающие жемчуга.

Она целые дни практиковалась в старческом шамканье, надо привыкнуть настолько, чтобы даже спросонья не заговорить своим голосом.

На молодую женщину в дороге будут заглядываться. А кто польстится на такую безобразную старуху! Будут сторониться, — от старухи всегда сторонятся, от нее пахнет могилкой.

Изучая свой грим и костюм в совершенстве, Берта до мелочей обдумала костюмы своих спутников.

Фридрих до тюрьмы носил эспаньолку. В тюрьме отрастил широкую, холеную бороду. Следовательно, у него не должно быть ни эспаньолки, ни бороды. Надо принести все для моментального бритья. У Фридриха слишком много знакомых по клубу, его дело чересчур громко, и за ним, конечно, будут гнаться по пятам. Лицо его надо или целиком

забинтовать, или заменить гуммозным пластырем: будто вспыхнула керосинка и его обварила, или любовница серной кислотой облила.

Непременно надо, чтобы от повязки пахло йодоформом; такого весь вагон сторониться будет.

Действительно, мало удовольствия сулила перспектива провести ночь в одном купе с этой парочкой: ведьмой-старухой и ее обезображенным сыном. Два офицера, которым выпала на долю эта честь, дали кондуктору по целковому, чтобы только он их перевел в другое отделение вагона. Зато какой-то еврей в длиннополом лапсердаке и с пейсами — тип, которого в Петрограде и не сыщешь — увидав, что господа офицеры освободили место, с оглядкой вошел в продушенное йодоформом купе:

— Не разрешит ли почтенная госпожа... Я вас не беспокою?..

— Меня-то не беспокоите... Мне все равно... А вот только вы несчастного сынишку бы не беспокоили...

Еврей с сокрушением поглядел на мумию:

— Что это?... Уж не немецкое ли зверство?..

— Да уже лучше было бы, кабы его немцы так отделили... А то ведь стыдно сказать, — с бабой воевал...

— Пхэ...

— Девица одна... приревновала мальчика, да серной кислоты ему в лицо и плесни.

Берта умышленно говорила громко и грубо, чтобы весь вагон слышал, что она с евреем только что познакомилась, и чтобы весь вагон знал, какого несчастного везет она с собой.

— Далеко едете?

— До Варшавы. А вы?

— А через почему нет?

— В Петрограде у докторов были... Консилиум...

— Консилиум... Значит, опасно...

Забинтованный почти не шевелился и слабо стонал.

Еврей поудобнее разместился и замолчал.

Поезд двинулся.

VIII

ВТРОЕМ

Берта ликовала. Вся ее комбинация удалась как по нотам. И он, и она спасены! дут на родину!..

Сквозь старушечий грим проступил молодой необузданный восторг.

Только бы отделаться от Таубе. Вон он сидит, одетый и загримированный евреем, и пожирает ее влюбленными ревнивыми глазами.

Пока Фридриха не было, Таубе не знал, что такое ревность. С легким сердцем он увозил его из тюрьмы в своем автомобиле, переодетого в платье Наташи. В автомобиле же, полный благожелательности, он помог ему переодеться в мужской костюм.

Но едва переступил Фридрих порог радиотелепатического института, как у несчастного Таубе оборвалось сердце.

Берта, забыв, что на ней грим и костюм старухи, кинулась на грудь Фридриху и затрепетала, не сдерживая себя от голодной страсти.

Фридрих тоже соскучился по своей возлюбленной, но в этом виде не мог признать своей Берты, не мог вызвать ее очаровательных черт лица и не мог ее поцеловать, так как это испортит грим.

Он нежно отстранил ее от себя, пожал горячо ее руки и заторопился.

— Ну, нечего время терять, бриться, бинтоваться и — на вокзал. Таубе — живо бритву и мыло!

Таубе не привык, чтобы им командовали.

Таубе не думал, чтобы сцена бурной радости, которую не скрыла Берта, так ударит его по нервам..

Острый припадок ненависти охватил его, но он проглотил обиду и беспрекословно стал исполнять приказания человека, который держался, как начальник.

...И вот они едут втроем.

IX

КУЛИСЫ ДУШИ

Берта мечтает о том, как бы отделаться от гипнотизера. Со временем он еще пригодится ей.

А теперь... этот ревнивый взгляд ястреба, который гложет ее и который так не идет к добродушному гриму старого еврея, каким он должен казаться в дороге.

Нет, теперь в гневе, в раздражении, в ненависти к Фридриху, ненависти, которую зажгла ревность... о, теперь Таубе опасен им обоим.

Второй из этих троих пассажиров — Таубе — тоже мечтал о том, как бы отделаться от попутчика Гроссмихеля.

Страсть, придавленная ногой Берты, подняла голову и высунула ядовитое жало змеи.

Он искал уже удобного места, где бы ужалить ненавистного соперника. А, может быть, саму укротительницу.

Фридрих Францевич Гроссмихель, третий пассажир купе, думал тоже о том, как бы отделаться от гипнотизера; он привык работать в полном инкогнито; никто, даже жена не знала, кто он, никто, кроме Берты и ее отца Карла (кстати, где сейчас Карл?). Фридрих сразу понял, что Таубе влюблен в Берту, а это не сулит ничего доброго.

Ревность слепа. В порыве ревности гипнотизер, обладающий их тайнами, может наделать им столько зла, что потом не разделаешься. Никакая тюрьма не страшна гипнотизеру; силой своих чар он может усыпить бдительность любых тюремщиков. Значит, во что бы то ни стало Таубе надо убить, — это единственный способ отделаться от Таубе.

Труднее отделаться от Берты. А отделаться и от нее надо. Потому что история шпионажа всех народов учит, что все великие шпионы погибали от женщины.

Только до тех пор шпион силен и гибок, пока в его жилах течет холодная кровь благоразумия. До сих пор Фрид-

рих поражал всех хладнокровием, прожив несколько лет с таким очаровательным существом, как Марья Николаевна*; и разыгрывая роль любящего мужа, Гроссмихель сумел не полюбить ее. В любой момент, если это полезно для дела, он мог без сожаления оттолкнуть ее и детей, как оттолкнул сейчас. И это не ради Берты. Чары этой головокружительной красавицы, влюбленной в него без ума, также не действовали на этого железного человека настолько, чтобы надломить его железную волю или затемнить его железный ум, стальную логику.

Он умел быть страстным, — но это была лишь поверхностная страсть, — страсть тела, — хмель не касался его души. Берта была для него — утехой воина, потехой воина; Гроссмихель очень ценил ее красоту и привязанность и умел лакомиться ее ласками, как гурман.

Он умел казаться нежным, и Берта была уверена, что он любит ее и ради нее готов на все, хотя и повторял часто:

— Deutschland über alles! И пока — Германия превыше всего! Если женщина для меня станет превыше всего, выше Германии, я пушу себе пулю в лоб!

Она верила и не верила ему. Но сам Гроссмихель верил себе! До сегодня. А вот сегодня какая-то тревога охватила его. Ему смешно и стыдно было сознаться, что что-то похожее на ревность пробудилось в душе.

Неотвязная мысль стучала в виски:

— Овладел Бертой Таубе или нет? Ведь она жила у него и все время находилась под блокадой его страшных глаз.

А не все ли равно, овладел или нет? Ведь не ревновал же он раньше Берту к тем. , которыми заставлял ее интересоваться. Он считал Берту изумительно удобной, усовершенствованной отмычкой для сердец мужчин всякого ранга и возраста; восхитительная отмычка, открывающая сердца, запертые на замки всех систем, — и Фридрих гордился, что на этом патентованном инструменте красуется подпись:

* Здесь и еще в одном случае автор ошибочно называет Марью Николаевну «Марьей Львовной» (*Прим. изд.*).

— Made in Germany.

Не все ли ему равно, отомкнула ли отмычка еще одно лишнее сердце, — сердце гипнотизера, если только оно у него есть.

Да, Фридрих ревновал. А ревность — оселок, на котором пробуются любовь. А любовь — смерть для агента сыска.

Следовательно, надо во что бы то ни стало отделить ее и от Берты.

И вот едут эти три человека, связанные между собой тайной преступления и любви, — жизнь и судьба каждого из них висит на волоске, — и этот волосок может оборвать неловкое движение каждого из них.

Едут три человека и думают, как бы отделаться друг от друга.

Они неузнаваемы по внешности — старуха с сыном и еврей, но еще больший грим на их душах — друг перед другом до поры до времени решили загримироваться в грим взаимной корректности и приязни.

В Варшаву! В Варшаву, ближе к передовым позициям и фатерланду.

Х

ВДВОЕМ

Разве кто-нибудь может предположить, что эта безобразная старуха и обезображенный повязками юноша так изнывают в муках сладострастия, так стремятся прикоснуться друг к другу, потому что каждое прикосновение бросает их в жар и холод.

Разве кто-нибудь может предположить, что вот этот безобразный еврей ревниво следит за каждым прикосновением этой парочки и учитывает всякую возможность шепнуть что-нибудь друг другу.

Еще задолго до объявления войны, Берта обзавелась целой коллекцией мужских и женских паспортов, что так легко было сделать через германское посольство.

Один паспорт у нее в ридикюле, а два безукоризненных документа защиты в корсете.

Совершенно обеспечен в паспортном отношении и Фридрих. Напротив, Таубе едет безо всякого вида на жительство, что бесит его: он знает, что у Гроссмихеля их три.

— Чтобы гипнотизер себе не достал паспорта! — оборвала его Берта, когда он у нее попросил. — Внушите любому типу, и он отдаст вам свой!

— Но это может привести к опасным осложнениям.

— А кто вам мешает внушить усыпленному типу, что он — Таубе, разыскиваемый полицией, а его паспорт взять себе! Какие же осложнения! Его арестуют, а мы тем временем будем уже на германской территории!

Берта сказала это резко, тоном, не допускающим возражения.

Таубе сидел злой и подозрительный. Противный запах йодоформа вызывал тошноту.

— А все-таки, нам следует хорошенько выспаться, полезайте наверх! — прошамкала Берта. — Завтра трудный день!

— Перед сном надо освежить купе.

— Ну этого не советую. Тогда опять обратят внимание на нас. А вот потушить свет надо.

— Весь вагон спит. Уже двенадцатый час.

Потушили. Таубе чувствовал, как в темноте купе Фридрих сжал Берту в голодных объятиях. Таубе, лежа наверху, чувствовал, как трепетали знойным трепетом два истосковавшихся друг о друге тела.

Ревность душила его — да и так было душно от йодоформа, — от грима. В бессильной ярости он застонал.

— Что с вами? — насмешливо спросила Берта. — Уж не думаете ли вы, что мы в темноте целуемся? На лице Фридриха нет ни одного дюйма, не замазанного пластырем. А целовать гумозный пластырь — благодарю покорно... Да и ему я не позволила бы испортить поцелуем мой грим...

— Мне душно! Мне душно! — пробасил Таубе.

— Вот я вам дам, понюхайте одеколон...

Берта встала и в темноте протянула ручку с флаконом.

Ее рука попала во что-то мокрое, горячее.

Берта поняла: Таубе плакал.

— Бедняжка! — участливо прошептала Берта, прикоснулась губами к его лбу. Таубе беззвучно впился поцелуем в ее руку.

— Вот понюхайте... Я подержу...

Таубе жадно вздохнул, глубоко вздохнул и — застыл.

— Готов? — спросил Фридрих.

— Гипнотизер загипнотизирован.

— Ты уверена, что он не проснется?

— Он или совсем не проснется, или проснется через сутки, не раньше.

— Теперь купе на запор. Свету! К черту маскарад...

Фридрих сорвал с лица повязки, — пластырь слез легко, отслоился, — освежил одеколоном лицо. Берта стерла грим мокрым полотенцем.

— Наконец одни!

.

Девятый вал бурной страсти поднял их на головокружительную высоту и опустил в тихую пристань.

— И все-таки мы должны не терять головы. Мой план таков: моментально давай мне все старушечье и приводи себя в порядок. Все это я сейчас выкину с площадки. До следующей станции десять минут. На ней мы сойдем. А этот тип пусть едет в Варшаву один...

— Через десять минут ты не узнаешь меня.

Под старушечьим одеянием на Берте был изящный дорожный костюм, то и другое она сняла, когда готовилась ко сну.

Фридрих тщательно увязал седой парик, старушечий капор, бинты и нашлепки пластыря, собрал все, что могло

бы их выдать, и в то время, как Берта возилась с корсетом, вынес на площадку.

XI

ОДИН

Свежая ночь ударила в лицо, на котором горели еще поцелуи Берты.

Свежая ночь ударила в грудь, еще истомно ноющую от только что прижимавшей ее в трепете страсти груди Берты.

Свежая ночь охватила его существо и вернуло обычное ледокровие его железной воле, стальным нервам и мозгу.

Он так давно не дышал свежим воздухом.

Так давно не был один, совсем один, без неотвязного глаза тюремщика.

Один! Какой это восторг!

Фридрих нагнулся и бросил в мглу сверток с вещами Берты.

Один! Совершенно один! Какое счастье!

А Берта?

Разве она не будет его тюремщиком, если он даст себе потерять голову от ее чар?

Нынче, только теперь он почувствовал, как близок к тому, чтобы потерять голову.

Ревность! Какая чушь!

И однако же, сегодня он ревновал!

Это хуже гипноза!

Не мешало еще, чтобы Берта его влюбила, а Таубе за-гипнотизировал.

Нет, насытив страсть, придя в себя от бурных безумств, только что пережитых, Фридрих видит, что надо немедлен-

но бежать.

Он знает, что во всем свете Берта единственная женщина, ради которой он может пожертвовать собой.

Сейчас вот, например, он насытил зверя, тело больше не алчет тела, а все-таки душа рвется к Берте, и если бы он не знал, что Таубе спит полумертвецким сном, он не оставил бы их вдвоем.

Да, он уже прикован к Берте... ревностью, — его воля уже подавлена.

Нет! Этого не может быть!..

Поезд замедлял, подходя к какой-то незначительной станции...

ХП

ОДНА...

Берта почти готова, хотя прошло не больше пяти минут. Берта совершает чудеса быстроты и ловкости.

Кто узнал бы в изящной молоденькой пассажирке сгорбленную старуху, какой она сюда вошла?

Но почему же поезд останавливается, ведь не прошло еще десяти минут? Это вероятно так, полустанок, который Фридрих не имел в виду.

Ну, так и есть, поезд стоял менее минуты и пошел дальше. А на той станции он стоит целых пять минут.

Но где же Фридрих, — как может он в осеннем пальто так долго торчать на площадке?

Вышла, крадучись, на площадку: Фридриха нет.

— Вероятно, в уборной!

Вернулась в вагон.

Таубе спит наверху с тяжелым, ненормальным храпом-хрипом.

Стало жутко. Противно.

— Что с Фридрихом? Уж не дурно ли ему? Уж не надышался ли он йодоформом?

Вышла опять на площадку.

Никого.

Когда проходила мимо уборной, оттуда вышел офицер.

Увидав красивую, стройную пассажирку, военный приклонился.

— Значит, в уборной его нет!

И Берте стало страшно:

— Неужели Фридрих сошел, не зная, что поезд стоит лишь одну минуту!.. Неужели он не успел вскочить и остался один там, на полустанке!.. Такой осторожный человек и такая неосторожность!

Что теперь делать ей одной? Следующий поезд идет через десять часов.

Значит, Фридрих приедет в Варшаву на десять часов позднее ее!..

Берта сидела в своем купе, слушала храп Таубе и, ломая руки, думала:

— От Таубе надо непременно отделаться... Мне попадаться на глаза кондуктору нельзя, он изумится, куда девалась старуха и как я очутилась на ее месте.

Дать телеграмму на тот полустанок — нельзя. У Фридриха три паспорта, — два зашиты, а один на руках, — который на руках, — не знаю. Как бы его не подвести! Как отделаться от Таубе?.. Самый лучший способ придумал Фридрих — слезть на следующей станции и подождать следующего поезда...

Блестящая мысль!.. Я слезу на следующей станции... Таким образом я и отделаюсь от Таубе и, наверное, встречу на следующем поезде Фридриха!.. Ах, как он обрадуется и как похвалит меня за догадливость.

Могла ли она допустить, что Фридрих сам нарочно спрыгнул на полустанке, чтобы бежать от чар Берты?

Могла ли она догадаться, что Фридрих в это время на встречном поезде возвращался в Двинск, чтобы оттуда направиться в Ригу?

Он ехал, он бежал.

И вместе с ним ехала тоска, — он уже тосковал о Берте, которую потерял навсегда!

Как сможет он ее разыскать?

Ведь у нее три паспорта!

Под которым она будет жить?

Где она будет жить?

А главное: ведь он оставил ее вдвоем с негодяем Таубе.

Удастся ли ей отделаться от него?

Не поработит ли он ее воли, не вырвет ли из ее сердца память его, ее Фридриха.

Фридрих ехал и думал:

— Что я наделал! Что я наделал!

И в мерном стуке колес ему мерещилось:

— Берта! Берта! Берта!..

ХШ

КОНЕЦ

Читатель, конечно, бросит автору упрек:

— Роман кончен. Но почему же добродетель не торжествует?

Из романа «Дьяволица» читатель мой убедился, что автор не останавливается ни перед чем, лишь бы закончить роман полным торжеством добродетели.

Но в том-то и дело, что роман Берты Берс еще далек до окончания.

Окончание ее приключений и заслуженная кара, понесенная злокозненной авантюристкой, изложены в особом романе, который называется «Торжество добродетели».

Там же получает заслуженное возмездие и коварный Фридрих Гроссмихель и подлый гипнотизер Таубе.

ОБ АВТОРЕ

Николай Георгиевич Шебуев – автор замечательных романов-пародий «Дьяволица» и «Берта Берс» – родился в 1874 г. в семье профессора математики. Он окончил юридический факультет Казанского университета и с 18 лет начал печататься.

Уже в 1892-95 гг. вышли стихотворные сборники Шебуева «Бенгальские огоньки» и «Веселые мелодии». С тех пор произведения его шли неостановимым потоком: Шебуев публиковал фельетоны и сатирические рассказы и стихотворения, драматические сочинения, юмористические календари, составлял альманахи и театральные справочники, выпускал небольшие монографии о кумирах начала века: А. Чехове, М. Горьком, Ф. Шаляпине, О. Бердслее. Печатался под десятками псевдонимов – «Граф Бенгальский», «Маркиз Санкюлот», «Петя Таксебешин», «Энге» и т.д.

В 1905-1906 гг. несколькими выпусками было опубликовано первое собрание сочинений Шебуева. В эти годы Шебуев издавал популярный и остро-сатирический журнал «Пулемет», резко критиковавший царское правительство. В первом (и немедленно конфискованном) номере «Пулемета», вышедшем в ноябре 1905 г., была напечатана самая знаменитая карикатура эпохи «Первой русской революции» – текст октябрьского манифеста Николая II с отпечатком кровавой пятерни и подписью: «К сему листу свиты его величества генерал-майор Трепов руку приложил».

За «оскорбление Величества» и «дерзостное неуважение к верховной власти» Шебуев был приговорен к годичному заключению в крепости, но и в одиночном заключении продолжал работать над журналом, тексты для которого писал сам.

Выйдя на свободу, Шебуев начал издавать собственную «Газету Шебуева» (1907-1908) гг., а с 1908 по 1914 г. издавал, с перерывом, журнал «Весна».

«Несколько десятков авторов в номере, несколько сот стихотворений» – вспоминал Г. Иванов. «Идея, пришедшая Шебуеву, была не лишена остроумия – объединить графоманов. Из тысяч “непризнанных талантов”, во все времена осаждающих редакции, Шебуев без труда выбирал стихи, которые можно было печатать без особого “позора”. Естественно, журнал “пошел”. Поэты, которых он печатал, подписывались на журнал, распространяли его и раскупали десятки номеров “про запас”. Другие, менее счастливые, тоже подписывались, не теряя надежды быть напечатанными по “исправлению погрешностей размера и рифмы”, как им советовал “Почтовый ящик «Весны»”. Самые неопытные и робкие, не мечтающие еще о “самостоятельном выступлении”, – таких тоже было много – раскупали “Весну” в свою очередь. Для них главный интерес сосредоточивался на отделе “Как писать стихи”. Вел его, понятно, сам Шебуев. Под его руководством восторженные и терпеливые ученики перелагали “Чуден Днепр при тихой погоде” последовательно в ямб, хорей, дактиль, потом в рондо, газеллу, сонет. Все это печаталось, обсуждалось, премировалось, и число “наших друзей-подписчиков” неуклонно росло. Анкеты “Весны” о “Наготе в искусстве” и т. п. тоже привлекали многих. Набор и скверная бумага стоили недорого, гонорара, конечно, никому не полагалось.

Но вряд ли Шебуевым руководил денежный расчет. Я думаю, он ничуть не притворялся, изливаясь на страницах “Весны”, как дорога ему пестрая аудитория его “весенних” (так он их звал) поэтов и художников. Стоило поглядеть на его фигуру в рыжем пальто и цилиндре, на его квартиру, полную ужасных “Nu” и японских жардиньерок, прочесть какую-нибудь его “поэму в прозе” или выслушать из его уст очередную сентенцию о “красоте порока”, чтобы понять, что в этом море пошлости и графомании он не самозванец, а законный суверен».

Впрочем, публиковались в журнале Шебуева и маститые авторы (А. Аверченко, Л. Андреев, К. Бальмонт, Н. Гумилев, А. Куприн и др.). Примечателен журнал и той ролью, которую он сыграл в истории русского литературного авангарда: некоторое время в

«Весне» редакторствовал В. Каменский, здесь впервые начали печататься футуристы (Каменский, И. Северянин, В. Хлебников, Н. Асеев).

После революции 1917 г. Шебуев, до закрытия издания, работал в газете «Петроградский листок». Неуемная энергия не изменила ему и в советские годы: он редактировал периодические издания, выпустил несколько поэтических книг («Троица», «Гладиатор», «Первый крик» и др.), мемуары об издании «Пулемета», писал о детских рисунках («Детские глаза», 1922), составлял альманахи «безбожников» («Москва безбожная», 1930). О быте Шебуева в 1920-е гг. вспоминает Э. Миндлин:

«...Шебуев редактировал то один, то другой новый журнал. Издательство “Книгопечатник” пригласило Шебуева редактировать большой и довольно толстый еженедельник “Всемирная иллюстрация”. Этот журнал продержался дольше других. Редакция помещалась в Китай-городе в здании у белой Китайгородской стены, ныне не существующей. Но Шебуев предпочитал принимать авторов у себя дома и о редакционных делах разговаривал с ними за чашкой чая с лимоном.

“С лимоном”, как он говорил, неизменно и упрямо произнося вместо “лимон” – цитрон.

Квартиры Шебуева бывали всегда в самых неожиданных местах. Жил он с молоденькой женой и ребенком и в одной из бывших келий Новодевичьего монастыря и здесь же в келье принимал авторов, монтировал иллюстрации. Но, пожалуй, самым удивительным жилищем Шебуева была комната с окнами в Московский ботанический сад. Если авторы заставляли Николая Георгиевича занятым срочным делом, он предлагал им, пока освободится, погулять в Ботаническом саду.

– А вы, батенька, лезьте в окно и походите себе по саду. У нас в Ботаническом саду хорошо. Не стесняйтесь, батенька, лезьте.

Автор, пришедший не вовремя, лез через окно в Ботанический сад и гулял, дожидаясь Шебуева. А то, бывало, когда предстоял более или менее обстоятельный с автором разговор, Николай Георгиевич предлагал:

– Батенька, что нам с вами в четырех стенах сидеть? Поговорим на свежем воздухе. – И первым, несмотря на грузность и на старикиевские свои годы, садился на подоконник, перебрасывал ноги и прыгал на дорожку Ботанического сада – благо жил в первом этаже старого дома.

К этому времени облик Шебуева изменился. Он уже не носил котелка песочного цвета – голову покрывал шелковой черной

ермолкой, какие носят старые академики, а пиджачную пару и парижские галстуки сменил на длинную, почти до колен, толстовку какого-то пыльного серого цвета. Но золотое пенсне с длинным, по грудь, шнурком по-прежнему поблескивало и поддрагивало на его маленьком тонком носу».

Н. Г. Шебуев умер в феврале 1937 г. и был похоронен на Новодевичьем кладбище.

Роман «Дьяволица», безжалостно пародирующий штампы расплодившихся в конце XIX – начале XX вв. «уголовных романов», причем именно русских, часто беспомощных сочинений – был впервые опубликован в 1914 г. на страницах «Синего журнала». При всей язвительности своего «чрезвычайно уголовного романа» Шебуев, профессиональный сатирик и юморист, хорошо понимал секрет хорошей пародии, для которой одной насмешки недостаточно – и потому дал читателям образчик вполне захватывающего и увлекательного «бульварного чтения».

В последних строках книги автор пообещал новый роман о «подвигах очаровательной авантюристки» Берты Берс, «по своей чрезвычайной уголовности» ничуть не уступающий «Дьяволице». Свое обещание Шебуев сдержал – но, очевидно, война внесла свои коррективы, и «Берта Берс» стала пародией на романы шпионские (и заодно «гипнотические»).

Оба романа вошли в изданное М. И. Семеновым в Петрограде в 1915 г. шеститомное собрание сочинений Шебуева. В двухтомнике, выпущенном издательством Salamandra P.V.V. ровно сто лет спустя, тексты публикуются по этому изданию с исправлением очевидных опечаток, а также ряда устаревших особенностей орфографии и пунктуации.

А. Шерман

Оглавление

<i>Часть первая. Роман бонночки</i>	7
<i>Часть вторая. Гипноз или страсть</i>	52
<i>Часть третья. Хищники разлетелись</i>	93
<i>А. Шерман. Об авторе</i>	117

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.